

Из цикла “Философские беседы”

Л. Е. БАЛАШОВ

**КРИТИКА
МАРКСИЗМА
И
КОММУНИЗМА**

(статьи и материалы разных лет)

A C A D E M I A
МОСКВА • 1997

ББК 87.817

Б 20

Цикл **“Философские беседы”** задуман автором как своеобразная библиотечка философской литературы по широкому кругу проблем. Он рассчитан на читателя, которому интересно философствование само по себе. Таким читателем может быть и философ, и деятель науки, культуры, и учащийся, студент, аспирант.

Книги цикла относятся к разряду развивающей литературы и могут служить учебными пособиями для пополнения знаний по философии.

Балашов Л.Е.

Критика марксизма и коммунизма. (Статьи и материалы разных лет). — М.: ACADEMIA. 1997. — 69 с.

Отзывы и предложения направлять по адресу:

115583, Москва, Воронежская ул., 9, 110.

ISBN 5-87532-002-8

© Балашов Л.Е., 1997

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ACADEMIA”

Лицензия ЛР № 062139 от 26 января 1993 года.

Ниже предлагается электронная версия книги "Критика марксизма и коммунизма" с некоторыми исправлениями и дополнениями, а также материалами к 2-му изданию книги.

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА	4
Процесс декоммунизации в СССР	8
ЛЕНИН, КАКИМ ОН БЫЛ НА САМОМ ДЕЛЕ	9
Культ Ленина	9
Переход от обожания к критике Ленина	10
Ленин — основатель тоталитарного государства	12
Ленин — вдохновитель гражданской войны	15
Ленин: террор, заложники	17
СУД НАД КОММУНИЗМОМ	20
ДОЛЖЕН СОСТОЯТЬСЯ!	20
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СУД НАД КПСС	20
Из выступления на конференции "За правовую, гражданскую и моральную ответственность КПСС" (6 февраля 1991 г.)	22
ЗЮГАНОВЩИНА	27
К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О КАЗАРМЕННОМ	31
КОММУНИЗМЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	31
ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ К. МАРКСА НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО	34
СТАРОЕ И НОВОЕ	51
ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ	53
Эволюция и революция в человеческом обществе	60
О ПЕРЕСТРОЙКЕ НАШЕЙ ФИЛОСОФИИ	62
КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО	65
ДОПОЛНЕНИЯ К 2-МУ ИЗДАНИЮ КНИГИ	73
Чудовищный утопизм Ленина	73
Коллективизм — индивидуализм	73
Равенство — неравенство	76
Марксистский холизм и организм	77
О различии между организмом и сообществом	81
Многопартийная система — одно из величайших	

достижений человеческой цивилизации	84
К 80-летию А. И. Солженицына (дневниковые заметки) ...	89
Поппер и Гегель.....	91

КРИТИКА ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Ниже приводится материал, написанный в основном еще в советское время, в 1989 году. В нем содержится заочный ответ всем сторонникам идей социализма и коммунизма, утверждающим, что теория хороша, а исполнители были плохие. Я, напротив, убежден, что исполнители, прежде всего В.И. Ленин и его соратники, были незаурядными людьми. У них было достаточно сил и времени (1/6 часть суши и 73 года), чтобы провести свою теорию в жизнь. Кроме того нельзя забывать, что этот социальный эксперимент был повторен в разных вариантах в целой дюжине стран почти на всех континентах. И везде практически один результат — крах социализма-коммунизма.

Критиковать идеи социализма и коммунизма не просто. Авторы и сторонники этих идей исходят, как правило, из благих намерений — помочь человечеству избавиться от язв жизни. Казалось бы, что может быть предосудительного, античеловеческого в благих намерениях? Да, конечно, сами по себе благие намерения — вещь хорошая, и осуждать их может только злой человек. Однако в реальной жизни благие намерения, цели всегда соединяются с теми или иными средствами. И вот тут нередко возникает ситуация медвежьей услуги: мотивы, намерения, цели деятельности хорошие. благие, а результаты, последствия плохие, вредные. Совсем не случайно существует поговорка: “благими намерениями дорога в ад вымощена”. Так вот, сколько бы сторонники идей социализма и коммунизма ни клялись в любви к человечеству, сколько бы ни работали для блага человечества, они неизбежно получат прямо противоположное тому, чего они хотели. В чем же здесь дело? А дело в том, что идеи социализма и коммунизма, как бы широко их ни трактовали, изначально содержат в себе концепцию средств, применение которых приводит к результату, обратному, противоположному цели. Эта концепция средств базируется на определенной концепции человека и общества. В идее социализма базовым понятием является понятие *общества* (“социализм” происходит от латинского слова “*socialis*”, “*socium*” — общественный, общество). В идее коммунизма базовым является понятие *общего* (“коммунизм” происходит от латинского слова “*communis*” — общий). Таким образом, в идее

социализма так или иначе акцент падает на *общество* и все *общественное*, *социальное* (общественные интересы, общественная собственность, общественные отношения, общественный строй) и, напротив, отодвигается на второй план отдельный человек, индивидуум, личность. В идее коммунизма акцент падает на *общее* (общие интересы, общая собственность, общий, совместный, коллективный труд и т. п.).

Совершенно очевидна связь между идеями социализма и коммунизма. Это идеи-сестры или даже идеи-близнецы. В том и другом случае акцент падает на *надличное, надиндивидуальное*, будь-то общество, коллектив, класс, социальная группа или общее — общие интересы, общая собственность, общий труд, общее дело. Это смещение акцентов (с личного, индивидуального на надличное, надиндивидуальное) не так безобидно, как может показаться на первый взгляд или неискушенному уму. В случае последовательного проведения идеи социализма (не говоря уже об идее коммунизма) оно ведет к трем нежелательным следствиям:

1. К абсолютизации общественного целого, группового, коллективного, государственного, одним словом, надиндивидуального, и недооценке человеческой личности, индивидуальности. Эта абсолютизация проявляется, в частности, в известном моральном требовании ставить общественные интересы выше личных или, того хуже, подчинения личных интересов общественным. Она проявляется также в оценке колlettivизма как безусловно положительной нравственной ценности, а индивидуализма как безусловно отрицательной ценности; также в положительной оценке альтруизма, самопожертвования, самоотверженности и осуждении эгоизма. Эта абсолютизация ведет в конечном счете к антигуманизму (в “Оптимистической трагедии” Вс. Вишневского капитан корабля задает риторический вопрос: “стоит ли внимания человек, если речь идет о человечестве?!” Этим он саркастически оценивает мышление и поведение коммунистов-большевиков).

2. К абсолютизации общественного, социального в человеке и недооценке природного, живого, биологического начала в нем (в частности, к недооценке физической стороны жизни: материальных удобств, физического развития, физической любви, физической культуры). Отсюда крен в сторону полуаскетического, спартанского существования, пуританизм, ханжество.

3. К переоценке значения общественных отношений, общественных порядков, общественного строя в жизни и судьбе отдельных людей; вера в решающее значение социального реформаторства для улучшения жизни людей; вера во всесилие социальных идей, т. е. идей, направленных на преобразование, переустройство общества.

* * *

Социализм так или иначе связан с переоценкой значения обстоятельств в жизни людей и, соответственно, с недооценкой влияния людей на обстоятельства. Показательно такое высказывание К. Маркса: “Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, обстоятельства сделать человечными”¹.

Социализм принижает или даже игнорирует известный жизненный принцип “человек, помоги себе сам”. Этот принцип выступал раньше как антитеза ожидания помощи от бога (“бог-помощь”, “спаси бог”). Социалисты на место бога поставили общество. Указанный жизненный принцип исходит из той очевидной посылки, что человек — личность, субъект, что он активное существо, что именно он в конечном счете ответствен за свою жизнь, деятельность и никто другой: ни мать, ни отец, ни воспитатель, ни начальник, ни коллектив, ни общество. Конечно, полностью ответственность с других не снимается. Но все же основная доля ответственности лежит на *отдельном* человеке, на *индивидууме*. Он — личность, субъект, от него исходит активность. Зрелость, взросłość человека определяется тем, насколько он самостоятелен-ответствен. “Самостоянье человека — залог величия его” провозглашал А.С. Пушкин.

Для социалистов характерна вера в *разумно организованное* общество, иными словами, вера в организацию, во всесилие организации. Они фактически оказались в ситуации героев крыловской басни “Квартет”. Они думали, что достаточно переустроить, реорганизовать общество, изменить общественный строй, и всё наладится, все люди станут хорошими и будут хорошо жить. В действительности же с изменением общественного строя люди не становятся автоматически лучше и не становится лучше их жизнь. Каким чудовищным самообманом было убеждение большевиков, выраженное в известном высказывании В.И. Ленина: “дайте нам организацию

¹ Относительно первой части высказывания можно заметить, что К.Маркс, к сожалению, был не одинок в подобной оценке человека. В его время это было почти всеобщее убеждение. Достаточно указать на Песталоцци И.Г., знаменитого педагога, основоположника теории научного обучения. Последний утверждал: “Человек образуют обстоятельства”. Теперь-то мы знаем, что всё не так просто. Влияние обстоятельств, безусловно, имеет место. Но и человек оказывает не меньшее влияние на обстоятельства. Более того, нередко он действует *вопреки* тем или иным обстоятельствам. Вполне справедливо может быть такое утверждение: “Человек только тогда достигает чего-либо, когда он оказывается сильнее обстоятельств”. Для меня это утверждение, сформулированное еще в юности, имеет значение жизненного принципа.

революционеров — и мы перевернем Россию!”¹. Да, Россию они перевернули. А она как Ванька-встанька снова встала на ноги! И это понятно. Одной только реорганизацией ничего нельзя добиться.

Чтобы улучшить свою жизнь, человек должен действовать во всех направлениях: и в плане совершенствования межчеловеческих отношений, и в плане гармонизации своих отношений с природой, и в плане работы над собой, самосовершенствования. Последнее, кстати, коммунисты и социалисты всех мастей всегда недооценивали или даже игнорировали. Для них человек не столько субъект деятельности, сколько объект воздействий, манипуляций.

Из абсолютизации общественных отношений вытекает преувеличенно негативная оценка частной собственности. Хрестоматийным в этом плане является высказывание Р. Оуэна: “Частная собственность отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей... Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к убийствам”². В самом деле, все смертные грехи человечества социалисты и коммунисты готовы спихнуть на частную собственность, т. е. опять-таки на известное общественное отношение. И здесь отчетливо проглядывает переоценка роли общественных отношений в жизни людей. Как будто недостатки и пороки людей, их вражда и соперничество исчезнут сами собой, если будет уничтожено одно из общественных отношений — частная собственность. К. Маркс и Ф. Энгельс, кстати, так и говорили: “коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности” (см. Манифест Коммунистической партии). Уже в наше время член Политбюро ЦК КПСС Е.К. Лигачев в речи на XXVIII съезде КПСС (1990 г.) повторил старые аргументы социалистов: “общественная собственность объединяет, а частная собственность разъединяет интересы людей и, несомненно, социально расслаивает общество”.

Ясно, однако, что разность интересов людей, их пороки и вражда порождаются не только и не столько системой частной собственности. Тому доказательство — практика реальной жизни в условиях социализма, уничтожившего эту систему. Отсутствие частной собственности отнюдь не спасает человечество от межнациональной розни и вражды, не спасает отдельных людей от разных пороков. Причины человеческой розни и вражды гораздо глубже — они коренятся в биологической природе

¹ В.И. Ленин. Что делать? — Полн.собр.соч. Т. 6, М., 1959. С. 127.

² См.: Утопический социализм. Хрестоматия. М., 1982. С. 330.

человека, в многообразных условиях его жизни. Если взять хотя бы биологическую природу человека, то мы знаем, что люди изначально, генетически весьма различны и даже противоположны. Различие их индивидуальностей порождает различие их интересов. А различие интересов порождает столкновения между людьми, их взаимную борьбу.

Попытки искоренить столкновения, конфликты, конфронтацию, борьбу между людьми заранее обречены на неудачу. Они утопичны в своей основе. Самое большее, чего могут добиться гуманистически ориентированные политики, это чтобы столкновения и борьба между людьми принимали цивилизованные формы, т. е. такие формы, при которых не унижалось бы человеческое достоинство, не уничтожался человек.

К счастью, люди давно придумали подобные формы. Это борьба на выборах, в парламентах, это экономическая конкуренция, спортивные состязания, творческие, профессиональные конкурсы и т. д. и т. п. Важно, чтобы указанные формы полностью вытеснили из человеческих отношений нецивилизованные, антигуманные формы конфронтации.

Очень хорошо сказал в свое время А.И. Герцен:

“Своеволье и закон, лицо и общество и их *некончаемая* борьба с бесчисленными усложнениями и вариациями составляют всю эпопею, всю драму истории. Лицо, которое только и может разумно освободиться в обществе, бунтует против него. Общество, не существующее без лиц, усмиряет бунтующую личность.

Лицо ставит себя целью.

Общество — себя.

Этого рода антиномии (нам часто приходилось говорить о них) составляют полюсы всего живого; они неразрешимы потому, что, собственно, их разрешение — безразличие смерти, равновесие покоя, а жизнь — только *движение*. Полной победой лица или общества история окончилась бы хищными людьми или мирно пасущимся стадом”¹.

Процесс декоммунизации в СССР

Сейчас в нашей стране, начиная с последних лет советского периода идет процесс *декоммунизации*. Это весьма сложный, глубокий процесс. Суть его — в освобождении от иллюзий и пут коммунистической идеологии.

Освобождение от иллюзий коммунистической идеологии —

¹ Герцен А.И. Соч. в 30-и т.т. Т. XIX. С. 184.

для тех, кто искренно верил или был убежден в ее правильности.

Освобождение от пут коммунистической идеологии — для ее противников или тех, кому она мешала.

Демократически ориентированным философам и политикам рано еще складывать оружие. Не осуждена КПСС как преступная организация. Коммунистическая идеология не объявлена вне закона и ее открыто пропагандируют правопреемница КПСС — КПРФ и другие коммунистические организации. С другой стороны, не принятые многие законы, которые бы обеспечивали свободу рыночных отношений, в том числе в области землепользования. До сих пор некоторые деятели культуры, ученые, журналисты продолжают считать идеи социализма и коммунизма не только не вредными, но даже привлекательными.

Конкретно для России декоммунизация — это процесс постепенного отказа от результатов Октября 1917 г.

Если согласиться с тезисом, что революции — локомотивы истории, то следует признать, что Октябрьский переворот 1917 г. не был революцией. По своим последствиям он был контрреволюционным переворотом, так как вверг нашу страну в пучину длительного застоя и даже попятного движения.

Подлинная социальная революция происходит сейчас, начиная с августа 1991 года. Россия только теперь получила возможность развиваться непринужденно, естественно, освобождаясь от идеологических мифов и имперских амбиций, открываясь миру и открывая его для себя.

ЛЕНИН, КАКИМ ОН БЫЛ НА САМОМ ДЕЛЕ

В 1990 году я писал: пора взглянуть на Ленина трезвыми глазами и признать античеловеческими, антигуманными многие его взгляды и действия. Ленина нельзя большие рассматривать как моральный авторитет, моральный символ послеоктябрьской России.

Культ Ленина

Я не случайно упомянул о необходимости трезвого взгляда на Ленина. Долгое время мы были буквально опьянены его именем, его личностью. Мы давно признали, что был культ личности Сталина. Но мы не замечали, что был при жизни, посмертно и продолжался до недавнего времени культ личности Ленина. Он, конечно, несколько отличен от культа Сталина, не столь цинично откровенен. Вспомним, что сам Ленин решительно возражал против возвеличивания своей личности. Но тем не менее он, этот культ, есть. Наиболее ярким выражением, примером культа

Ленина является Мавзолей его имени на Красной площади в Москве. Самим фактом существования такого Мавзолея в центре России, на главной площади страны мы как бы говорим всем, что Ленин для нас — самый, самый и самое его быть не может (как не может быть двух или нескольких Мавзолеев на одной площади).

Мы, по существу, полуобожествляем Ленина. Как бога или святого верующие никогда не критикуют, так и Ленина мы никогда и ни при каких обстоятельствах не критиковали как будто он святой, бог. Напротив, критикуя, отмечая ошибки и заблуждения других, мы неизменно обращали взор к Ленину как к идеальному руководителю или к истине в последней инстанции (например, при всяком удобном случае цитировали его или ссылались на него). Что это как не кульп личности Ленина?! Пора открыто это признать и сделать соответствующие выводы.

Переход от обожания к критике Ленина

Я, как и миллионы моих сограждан, вырос в атмосфере культа Ленина. Чуть ли не с молоком матери я воспринял Ленина умом и сердцем как самого родного, самого близкого человека, считал его величайшим среди русских. Я был вполне согласен с характеристикой Ленина, данной А.В. Луначарским. Вот что писал последний:

“...это был человек, в котором историческое величие гармонировало с необычайным личным обаянием, в котором моральная и умственная стороны натуры существовали в необычайной гармонии. Это был человек столь свободный, столь преданный великому делу, столь внутренне незлобивый, такой чистый идеино, такой прекрасный в каждом мельчайшем своем проявлении, что иногда думаешь: а были у него хоть какие-нибудь недостатки, а вспомни что-нибудь — ну, может быть, признак какого-нибудь тщеславия, самодовольства, какую-нибудь враждебную выходку по отношению к кому-нибудь, какую-нибудь слабость, какое-нибудь желание личного удовольствия, за счет дела, которое он должен был делать? Нигде, ничего, никак не припомнишь.”

Говорят, всегда бывают мертвеныи “чисто положительные типы” в романах и драмах. А вот это был в жизни чисто положительный тип. Золотой человек умом, сердцем, каждым своим движением, человек из цельного чистого, беспримесного золота наилучшей чеканки. И говоришь себе: да, это был первый коммунист. Это не только первый коммунист по подвигам, которые он совершил, это первый образчик того, чем может быть человек”.

Постепенно, однако, освобождаясь от детского и юношеского обожания Ленина, я стал все критичнее и критичнее относиться к нему, к отдельным его высказываниям, мыслям, идеям. Это вызвано было прежде всего естественным чувством критицизма, которое никогда меня не покидало. Затем, я всегда старался придерживаться декартовского методологического принципа сомнения и древнего девиза “подвергай все сомнению”.

Критическое отношение к Ленину нарастало вместе с ростом чувства протеста против абсолютно некритического отношения к Ленину со стороны руководителей страны, официальных

идеологов, философов.

Полностью свое отношение к Ленину я пересмотрел в последние три-пять лет. Я пришел к выводу, что Ленин был утопистом, который попытался в масштабах целой страны осуществить свои утопические идеи. Откровенно говоря, я перестал уважать его как мыслителя, реформатора, политического и государственного деятеля.

Этому пересмотру способствовали два обстоятельства.

Первое — мои философские занятия, увенчавшиеся написанием в 1985-1988 годах большой работы под названием “Категориальная картина мира. (Основы категориальной логики)”¹. В процессе написания работы я пришел к выводу, что основные идеи Маркса, а Ленин был его верным учеником, базировались на платонизме. От Платона с его абсолютизацией общего, целого, законосообразного, упорядоченного тянется нить к социалистическим и коммунистическим утопиям Нового времени, с одной стороны, и к гегелевскому холистско-тоталитаристскому мышлению, с другой. Марксизм воспринял оба эти направления. Кроме того, в марксизме, особенно в его ленинско-сталинском варианте, чувствуется сильное влияние традиций лапласовского механистического детерминизма, представлявшего порядок в мире наподобие порядка в часовом механизме.

Второе обстоятельство — гласность эпохи перестройки, позволившая увидеть Ленина с иной стороны, с той, которая всегда у нас затушевывалась, замалчивалась и просто скрывалась. Получив первые сигналы о негативной стороне деятельности Ленина, я вновь просмотрел тома его Полного собрания сочинений, относящиеся к послеоктябрьскому периоду. Этот просмотр произвел переворот в моем сознании. Я понял, что Сталин — всего лишь продолжение Ленина, а *идеология классового подхода преступна по своей сути, антигуманна* как антигуманный расизм, шовинизм, религиозный фанатизм и тому подобные идеологии, умонастроения, оценивающие людей по признаку их принадлежности к той или иной социальной группе, общности².

¹ Речь идет о первом варианте книги. Окончательный вариант называется: “Новая метафизика. (Категориальная картина мира или Основы категориальной логики)”. — Примечание 1999 г. В 1997 г. книга издана в сокращенном варианте под названием: Мир глазами философа. (Категориальная картина мира).

²Совершенно справедливо отмечает А.Г. Латышев: “В отличие от некоторых критиков Ленина, считающих сегодня, что главной целью деятельности Ленина был захват и удержание власти, уверовал, что стремлением всей его жизни было — осчастливить часть населения планеты (рабочих, бедных крестьян), уничтожив для этой цели другую часть (“богачей”, священнослужителей, свободомыслящую

В статье “Как организовать соревнование” (январь 1918 г.), которую нельзя читать сейчас без содрогания, Ленин целую категорию людей, миллионы и миллионы зачислил в разряд “вредных насекомых”, “блох”, “клопов” и просто “вредных людей”:

“Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и пр. и пр. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отгынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств”¹.

Гуманистически ориентированный человек никогда не позволит себе такие оценки людей, а тем более способы избавления (“очистки”) от них.

Ленин — основатель тоталитарного государства

В нашей стране стоящие у власти до сих пор изображают Ленина как основателя советского государства, подразумевая под этим то, что он был якобы отцом демократической государственной системы. Это не более чем миф. На самом деле Ленин был основателем тоталитарного государства, отцом тоталитарной системы, которую сейчас во всем цивилизованном мире оценивают как бесчеловечную. Сталин лишь довел эту систему до логического конца (как это было возможно в условиях России).

Что такое тоталитаризм? В Словаре иностранных слов читаем:

“Тоталитарный (от позднелатинского слова *totalitas* — цельность, полнота, *totalis* — весь, целый, полный) — тоталитарный режим — политический строй, при котором государственная власть в обществе сосредоточена в руках какой-либо одной группы (обычно политической партии), уничтожившей в стране демократические свободы и возможность возникновения политической оппозиции, полностью подчиняющей жизнь общества своим интересам и сохраняющей свою власть благодаря насилию, военно-полицейскому террору и духовному порабощению населения; то же, что фашистский режим; тоталитарное государство — форма государства, характеризующаяся полным

интеллигенцию и т.д.). А подобный “стратацид” ничем не лучше нацистского геноцида.” (См.: А.Г. Латышев. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 9). — Примечание 1999 г.

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 35. С. 204.

(тотальным) контролем со стороны органов государственной власти над всеми сферами жизни общества, фактически ликвидацией конституционных свобод и прав”¹.

Теперь откроем “Государство и революцию” Ленина (лето 1917 г.). Он писал:

“Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для “налаже-ния”, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну...

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, “некуда будет деться”. Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы”².

В статье “Как организовать соревнование” читаем:

“Учет и контроль, *если* они производятся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как верховной государственной властью или по указаниям, по полномочию *этой* власти, — учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный, — учет и контроль за количеством труда и распределением продуктов — в этом *суть* социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено”³.

В марте 1918 г. Ленин писал:

“Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма”⁴.

Из выступления Ленина 2 октября 1920 г. на III съезде комсомола:

“Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку”⁵.

Как видим, очень много сходного в представлениях Ленина о социализме и в том, что мы называем теперь тоталитаризмом. В соответствии с этими представлениями Ленин и его соратники осуществляли в послеоктябрьский период политику, которую впоследствии не совсем точно назвали политикой военного коммунизма.

¹ Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 501).

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 33. С. 101.

³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 35. С. 199-200.

⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 36. С. 157-158.

⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 41. С. 298-318.

Тоталитаризм нес с собой насилие, диктатуру, террор, репрессии, атмосферу лжи, обмана, социальной мимикрии, всеобщей подозрительности и доносительства, иезуитизм, подавление прав и свобод личности, антигуманизм.

* * *

Ленин теоретически обосновывал беззакония эпохи диктатуры пролетариата. Он писал в статье “Пролетарская революция и ренегат Каутский” (ноябрь 1918 г.):

“Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами.

Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами”¹.

В статье “К истории вопроса о диктатуре” (октябрь 1920) он писал: “Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть”².

Ленин оправдывал даже самосуд, самочинные действия “случайно” собравшихся, т. е. толпы:

“Во взятом нами примере мы видим диктатуру именно *народа*, ибо народ, масса населения, неоформленная, “случайно” собравшаяся в данном месте сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно *революционного народа*”³.

Справедливости ради следует сказать, что Ленин порой призывал “строго и добросовестно соблюдать законы Советской власти” (24 августа 1919 г.). Однако, если иметь в виду, что большевики полностью отменили законодательство Российской империи, а своего законодательства за некоторым исключением (немногих законов, декретов “Советской власти”) они не создали, то можно представить, какая правовая анархия царила в то время. Уголовный кодекс РСФСР был принят лишь в мае 1922 года.

Мы осуждаем сталинизм за его методы тотальной слежки, за разжигание всеобщей подозрительности, за охоту за “врагами народа”, за болезненное пристрастие к раскрытию заговоров, к поиску и разоблачению так называемых “вредителей”. Но ведь все это было уже при Ленине, только может быть не в таком развитом виде. Характерно в этом отношении письмо Ленина к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком (24 августа 1919 г.):

“...помещики и капиталисты не уничтожены и не считают себя побежденными, всякий разумный рабочий и крестьянин видит, знает и

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 37. С. 245.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 41. С. 383.

³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 41. С. 383.

понимает, что они только разбиты и попрятались, попрятались, перерядились очень часто в “советский” “защитный” цвет. Многие помещики пролезли в советские хозяйства, капиталисты — в разные “главки” и “центры”, в советские служащие; на каждом шагу подкарауливают они ошибки Советской власти и слабости ее, чтобы сбросить ее, чтобы помочь сегодня чехословакам, завтра Деникину.

Надо всеми силами выслеживать и вылавливать этих разбойников, прячущихся помещиков и капиталистов, во всех их *прикрытиях*, разоблачать их и карать беспощадно, ибо это — злейшие враги трудящихся, искусные, знающие, опытные, терпеливо выжидавшие удобного момента для заговора; это — саботажники, не останавливающиеся ни перед каким преступлением, чтобы повредить Советской власти. С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, надо быть беспощадным.

А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти¹.

По поводу этого письма Ленина Н.К. Крупская писала:

“Этот призыв к бдительности многих пугал. Немало рассказывали Ильичу о том, как расправлялись красноармейцы иной раз с тем или иным дельным командиром то за то, что он из бар, то приказ его какой-нибудь не понравится, то из-за мелочи какой. Иные рассказывали с усмешкой, говорившей: “Вон-де ваши разлюбезные красноармейцы какие!” Конечно, много случаев бывало, что не за то винили, за что надо, не того винили, кого надо: мешал разобраться недостаток знаний, старые мелкособственнические мерила того, что хорошо, что плохо, анархический подход к целому ряду вопросов².

Ленин — вдохновитель гражданской войны

Ленин и его соратники развязали братоубийственную гражданскую войну, в огне которой погибло по оценкам разных историков от 14 до 23 миллионов людей (для сравнения: в первую мировую войну Россия потеряла где-то до 1,5 млн человек). Еще до 1917 года Ленин провозглашал лозунг: “Превратить войну империалистическую в войну гражданскую!” И большевики добились осуществления этого лозунга. Насквозь фальшивым был другой их лозунг — один из основных лозунгов Октября — “Мир народам!” Они принесли народам не мир, но меч. Сыграла свою роковую роль прежде всего безудержная проповедь классовой вражды и ненависти. Статьи, речи, письма Ленина буквально пышат этой ненавистью, злобой, нетерпимостью. Эта проповедь, с одной стороны, заряжала сторонников Ленина на самую решительную, беспощадную борьбу с классовым “врагом”, а, с другой, заряжала противников Ленина на ответное ожесточенное сопротивление, на попытки

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 39. С. 155.

² См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2, М., 1957. С. 396.

свергнуть большевистский режим.

Однако основной причиной развязывания гражданской войны и расширения ее масштабов послужила политика военного коммунизма, прежде всего подавление частной торговли и продразверстка. Эти последние вызвали в гигантских масштабах насилие над крестьянами и торговцами. Чего стоит, например, установление государственной монополии на торговлю хлебом. Оно сразу поставило вне закона миллионы и миллионы крестьян, торговцев. В. Селюнин пишет:

“Уже 10 ноября 1917 года спекулянты объявляются врагами народа, а через три месяца в декрете, написанном Лениным, дано недвусмысленное указание: “спекулянты... расстреливаются на месте преступления” (Из истории ВЧК. 1917-1921. Сборник документов. М., 1958. С. 95).

Понятно, что при неналаженной государственной торговле любая продажа продовольствия считалась спекуляцией. “Ни один пуд хлеба, — декретировала власть, — не должен оставаться в руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая... Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, врагами народа, предавать их революционному суду, с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, все их имущество подвергалось конфискации” (там же, с. 114, 115)¹.

Декрет Совнаркома за подписью Ленина от 22.7.1918 указывал:

“виновные в сбыте, скупке или хранении для сбыта в виде промысла продуктов питания, монополизированных Республикой (крестьянин хранит хлеб — для сбыта в виде промысла, а какой же его промысел?? — А.И. Солженицын)... лишение свободы на срок *не менее* 10 лет, соединенное с *тяжчайшими* принудительными работами и конфискацией *всего* имущества”.

А.И. Солженицын комментирует: “С того лета черезезильно напрягшаяся деревня год за годом отдавала урожай безвозмездно. Это вызывало крестьянские восстания, а стало быть подавление их и новые аресты. (“Самая трудолюбивая часть народа положительно искоренялась”, — Короленко, письмо Горькому от 10.8.21) В 1920 году мы знаем (не знаем...) процесс “Сибирского Крестьянского Союза”. В конце 1920 происходит предварительный разгром тамбовского крестьянского восстания, руководимого Союзом Трудового Крестьянства (как и в Сибири). Тут судебного процесса не было...”².

Полуголодное существование жителей Москвы, Петрограда и

¹ См.: Новый мир, 1988, № 5. С. 166. См. также: Ленин В.И. Полн.собр.соч Т. 41. С. 310.

² А.И. Солженицын. Архипелаг Гулаг. — Новый мир, 1989, № 8. С. 25.

других больших городов было в значительной мере обусловлено этой государственной монополией на распределение продуктов питания. На подступах к Москве и Петрограду загадотряды не пускали в эти города так называемых мешочников. В сельской местности была относительная сытость, а в городах — почти голод.

Ленин: террор, заложники

Ленин был вдохновителем красного террора, во многих случаях совершенно неоправданного, чрезмерного, бесчеловечного.

Возьмем пример с убийством Володарского (председателя Петроградской ЧК). Он был убит 21 июня 1918 г. 26 июня Ленин пишет Зиновьеву: “Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не лично Вы, а питерские цекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя... *тормозим* революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, особенно в Питере, пример коего *решает*”¹. Вдумайтесь только: убили одного человека, а реакция на убийство — *массовый террор*! Этот призыв Ленина поощрять энергию и массовидность террора отклинулся в сентябре того же года, когда в ответ на убийство Урицкого (тоже председателя Петроградской ЧК) было расстреляно 500 (пятьсот) заложников! (См. № 5 “Еженедельника Чрезвычайных комиссий”).

9 августа 1918 г. Ленин посыпает две телеграммы: одна чудовищнее другой:

Г.Ф. Федорову: “В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления... Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных”².

Е.В. Бош в Пензу: “Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города”³.

“Расстрелять и вывезти сотни проституток, бывших офицеров”, “сомнительных запереть в концентрационный

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 50. С. 106.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 50. С. 142.

³ Там же. С. 143.

лагерь”, “массовый вывоз меньшевиков и ненадежных” (наверное тоже в концентрационные лагеря) — эти приказы не поддаются никакому описанию.

В этот же период Ленин объявляет беспощадную войну против кулаков (читай: зажиточных, крепких крестьян-хозяев). Он даже жаждет их смерти. В листовке “Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!” он пишет:

“Допустим, что у нас в России около 15 млн крестьянских земледельческих семей... Из этих 15 миллионов, наверное, около 10 млн бедноты... Около 3-х млн надо считать среднего крестьянина, и едва ли больше 2-х миллионов кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом...

Беспощадная война против кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам!”¹.

В этой листовке Ленин потребовал-пожелал смерти двум миллионам крестьянских семей, т. е. 10-12 миллионам людей. Настоящие призывы к геноциду! Какая тут сталинщина, какая тут полпотовщина!? Это всё большевизм-коммунизм в его изначальной сути! (У Маркса тоже есть подобные кровожадные высказывания — см. об этом ниже).

Листовка впервые была опубликована в 1925 году и по всей видимости сыграла свою зловещую роль в моральной подготовке к войне против крестьян в 1929-1933 годах.

* * *

Ленин считал в порядке вещей использование метода заложников. Он даже возводил его в ранг государственной политики. Так, в письме к Цурюпе от 10 августа 1918 г. он составил “проект декрета” — “в каждой хлебной волости 25-30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков”². Немного ниже в этом же письме он поясняет: “Я предлагаю “заложников” не взять, а назначить поименно по волостям. Цель назначения: именно богачи, как они отвечают за контрибуцию, отвечают жизнью за немедленный сбор и ссыпку излишков хлеба. Инструкция такая [назначить “заложников”] дается а) комитетам бедноты, б) всем продотрядам”³.

Я не помню, где еще, в каком государстве метод заложников возводился в ранг государственной политики, использовался как метод государственного управления. Это чудовищно! Ленин и большевики дошли до крайности в своем растаптывании человеческой личности, низведении ее до положения представителя, элемента какой-либо группы, общности.

Еще две цитаты: “Ливны, исполкому... Приветствуя энергичное

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 37. С. 40-41.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 50. С. 144.

³ Там же.

подавление кулаков и белогвардейцев. Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение.”¹

Сталину: “У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров”².

А.И. Солженицын пишет о заложниках:

“Немалая трудность и решить: сюда ли, в тюремные потоки, или в баланс Гражданской войны отнести десятки тысяч заложников, этих ни в чем лично не обвиненных и даже карандашом по фамилиям не переписанных мирных жителей, взятых на уничтожение во страхе и в месть военному врагу или восставшей массе? После 30.8.18 НКВД дал указания на месте “немедленно арестовывать всех правых эсеров, а из буржуазии и офицерства взять значительное количество заложников” (Вестник НКВД. 1918, № 21-22, с. 1)».

“Постановлением Совета Обороны от 15.2.19 — очевидно, под председательством Ленина? — предложено ЧК и НКВД брать заложниками *крестьян* тех местностей, где расчистка снега с железнодорожных путей “производится не вполне удовлетворительно”, — с тем, что “если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны” (См. “Декреты Сов. власти”. М., 1968, т. 4, стр. 627). Постановлением СНК 1920 разрешено брать заложниками и социал-демократов”.

“В девятнадцатом же году с широким заметом вокруг истинных и псевдозаговоров (“Национальный центр”, Военный заговор) в Москве, Петрограде и в других городах расстреливали *по спискам* (то есть брали вольных сразу для расстрела) и просто гребли в тюрьму интеллигенцию, так называемую оклокадетскую. А что значит “оклокадетская”? Не монархическая и не социалистическая, т. е. : все научные круги, все университетские, все художественные, литературные, да и инженерия. Кроме крайних писателей, кроме богословов и теоретиков социализма, вся остальная интеллигенция, 80 процентов ее, и была “оклокадетской”. Сюда, по мнению Ленина, относился, например, Короленко — “жалкий мещанин, пленный буржуазными предрассудками”, “таким “талантам” не грех посидеть недельки в тюрьме (Ленин. ПСС, т. 51, с. 48). Об отдельных арестованных группах мы узнаем из протестов Горького. 15.9.19. Ильич отвечает ему: для нас ясно, что и тут ошибки были” (т. 51, с. 47), но — “какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость!”, и советует Горькому не “тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов” (т. 51, с. 48, 49) — Архипелаг Гулаг — “Новый мир”, 1989, № 8, с. 23, 24.

Здесь нельзя не упомянуть о расстреле царской семьи — Николая II, его жены Александры Федоровны, детей — Алексея, Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, врача Боткина, горничной Демидовой, повара Харитонова и лакея Труппа. Этот расстрел был произведен в ночь с 16 на 17 июля 1918 года непосредственно по решению Екатеринбургского Совета.

¹ Там же. С. 160.

² Там же. С. 114.

Имеются неподтвержденные сведения о том, что приказ о расстреле царской семьи исходил от центра, от Ленина и Свердлова. Не будем спорить, был ли этот приказ на самом деле или нет. В любом случае совесть Ленина нечиста. Если, допустим, Ленин не отдавал подобный приказ, то почему он не осудил расстрел членов царской семьи и четырех сопровождавших их лиц? Почему от общественности страны и мира скрыли расстрел жены, детей царя и сопровождавших? Тот и другой факт тяжким бременем ложатся на совесть Ленина...

СУД НАД КОММУНИЗМОМ ДОЛЖЕН СОСТОЯТЬСЯ!

25 октября 1990 г. в газете “Куранты” была опубликована статья, которая, как мне представляется, не потеряла своей актуальности до сих пор. Она заслуживает того, чтобы быть вновь опубликованной. Вот эта статья:

Некоторые депутаты Моссовета решили организовать расследование деятельности коммунистической партии, своего рода¹

Общественный суд над КПСС

Все громче и настойчивее звучит голос общественности об ответственности Коммунистической партии Советского Союза перед народом и страной. Зенон Позняк, лидер Народного фронта Белоруссии, на одном из митингов даже заявил, что КПСС нуждается в своем Нюрнберге. Об этом же говорит с экрана автор документально-публицистического фильма “Так жить нельзя” Станислав Говорухин. В июне с.г. народный депутат СССР С. Сулакшин выступил на всесоюзной конференции Демплатформы с докладом об ответственности КПСС.

На XXVIII съезде КПСС группа делегатов пыталась поднять вопрос о неправедно нажитом имуществе КПСС и ее политической ответственности перед народом за весь период

¹ Под документом с аналогичным названием кроме автора поставили свою подпись 50 депутатов Моссовета: Икищели В.А., Фадеев В.В., Осetroв С.И., Прудников А.В., Савельев А.Н., Бутов Е.Л., Кузин В.А., Буковников В.В., Дрыженко А.Ф., Желудков А.Р., Супруненко О.И., Максимов В.А., Голомбов А.А. 169 окр., Романовский О.Н. (77 окр.), Лисенков А.Ф. (315 окр.), Твердохлебов Е.С. (469 окр.), Белашов С.И. (429), Поляков А.В. (350), Шеболдаев С.Б. (162), Дайнеко В.И. (114), Титов В.К. (353), Миронов В., Мельников А.Ю., Иванцов Г.С., Шумилина Т.В. (336), Учитель В.А. (71), Шмырков Ю.В. (292), Учитель В.А. (71), Шмырков Ю.В. (292), Новиков Р.В. (165), Волков А.А. (349), Барыгин Г.И. (208), Казаков О.Б. (214), Абаюшкин А.Ю. (226), Попов А.В. (479), Гай А.П. (239), Иванов В.М. (48)

правления. Эта попытка не удалась. Коммунистическая партия в лице своего высшего форума — съезда — пока еще не осознает своей вины за прошлое и настоящее положение дел.

Процесс фундаментальной переоценки деятельности КПСС начался и остановить его нельзя. Важно, чтобы этот процесс протекал в цивилизованных формах. Для этого-то и нужен суд над КПСС. Не бунт, не восстание, а суд.

Основная задача общественного суда — дать моральную, правовую, политическую, экономическую оценки деятельности КПСС за всю ее историю, и, соответственно, определить меру ответственности КПСС перед людьми, народом, человечеством.

Субъектами оценки будут представители общественности, главным образом юристы, историки, философы, политологи, экономисты, которые изъявят желание участвовать в работе суда на общественных началах в качестве обвинителей, защитников, судей, присяжных заседателей, экспертов.

Объектами оценки могут быть определены деятельность КПСС в целом и ее идеологические основы, роль высших руководителей КПСС, руководителей среднего звена, руководителей первичных организаций и рядовых коммунистов.

В чем обвиняется КПСС?

1. Массовые преступления против человечности в период с 1918 по 1955 гг.
2. Систематические нарушения основных гражданских прав человека (свободы слова, собраний, совести, права на объединение, свободы передвижения и т. д.).
3. Узурпация власти, установление диктатуры.
4. Создание тоталитарного государства, всевластной командно-административной системы.
5. Политический и идеологический гнет, моральный террор.
6. Некомпетентность руководства.
7. Экономические преступления, растрата трудовых и материальных ресурсов.
8. Военные преступления (война с Финляндией, подавление восстания в Венгрии, ввод войск в Чехословакию, война в Афганистане и т. д.).
9. Оккупация Литвы, Латвии, Эстонии в 1939-1940 гг.
10. Просчеты и действия, повлекшие за собой нападение Германии на СССР и особую тяжесть, неисчислимые жертвы войны с Германией в 1941-1945 гг.
11. Обскурантизм (гонения на генетику, кибернетику и т. д.).

Аргументы защиты: оправдательные и смягчающие вину обстоятельства.

1. Одурманивающее, наркотическое действие социально-

утопических идей (идей всеобщего равенства, гармонии, братства, счастья).

2. Сильные коллективистские традиции русского общества, существенно ограничивающие свободу и права отдельного человека, ослабляющие чувство личной ответственности.

3. Предшествующий длительный опыт абсолютной монархии (авторитарного, командно-административного управления страной), своеобразный русский этатизм (государственничество).

4. Предшествующий жестокий опыт эксплуатации и угнетения со стороны помещиков и капиталистов, вызвавший “качание маятника” классовых отношений подавления в обратную сторону.

5. Грубость нравов.

Разумеется, решения общественного суда могут иметь только моральное значение. Ни о какой расправе над коммунистами, ни о какой мести не может быть и речи. Суд над КПСС нужен для того, чтобы открыть глаза людям на истинный смысл ее деятельности...

**Лев Балашов,
народный депутат Моссовета.**

КПСС сейчас нет, но сохранились коммунистические партии, организации, которые продолжают ее дело. 3 июля 1996 г. за лидера коммунистов — Зюганова — проголосовало 40% избирателей России, пришедших на избирательные участки. Это значит, что коммунистическое движение не умерло и представляет собой реальную угрозу для людей. Вот почему нужен суд над коммунизмом, точнее, над коммунистическим движением, над его лидерами и организаторами. Этот суд должен окончательно развенчать коммунизм.

***Из выступления на конференции “За правовую, гражданскую и моральную ответственность КПСС”
(6 февраля 1991 г.)***

Уважаемые участники конференции! Прежде чем говорить на тему об ответственности КПСС, я хотел бы затронуть более общие вопросы в плане полемики с некоторыми выступавшими здесь — о коммунистической идеологии вообще и о том, кто несет ответственность за все, что случилось с нами в нынешнем веке.

Один из выступавших сказал, что хотя большевики и ведут свою родословную от К. Маркса, на самом деле они не были

марксистами, что они исказили марксизм, что из марксизма и из опыта революционных учений и движений прошлого они взяли самое плохое.

Эх, если бы всё было так просто...

С моей точки зрения, большевизм-коммунизм — глубочайшее явление человеческой истории, своими корнями уходит в десятки тысяч лет назад. Здесь и первобытные общины, и кастовый строй в Египте, и Спарта, и, наконец, теория идеального государства Платона¹. От последней, кстати, ведут свое происхождение бесчисленные утопические теории социалистов и коммунистов. Сам Маркс говорил об этом (что коммунизм ведет свое происхождение от Платона, с его идеи обобществления имущества)².

И Маркс, и Гегель несут ответственность за коммунистическую идеологию и, соответственно, за коммунистическое движение. Гегель — духовный отец тоталитаризма. Именно он говорил о ничтожности индивидуального сознания, именно он абсолютизировал целое, организм и недооценивал отдельную часть, единичку, отдельную личность. Он считал, что отдельный человек — всего лишь наличное бытие, нечто примитивное, неразвитое, и только целое, абсолютный мировой дух — истина бытия. С его точки зрения наличное бытие — лишь ступень в движении к бытию, к тому, что должно прийти, наступить. Для Гегеля отдельная

¹ Вот что Платон писал в 5-й книге “Законов”: “Наилучшим является первое государство, его устройство и законы. Здесь все государство тщательнейшим образом соблюдает древнее изречение, гласящее, что у друзей взаправду все общее. Существует ли в наше время где-либо и будет ли когда, чтобы общими были жены, дети, все имущество и чтобы вся собственность, именуемая частной, всеми средствами была повсюду устранина из жизни? Чтобы измышлялись по мере возможности средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, — глаза, уши, руки, — так, чтобы казалось, будто все сообща видят, слышат и действуют, все восхваляют или порицают одно и то же? По одним и тем же причинам все будут радоваться или огорчаться, а законы по мере сил сплотят в единое целое государство, выше которого в смысле добродетели, правильности и блага никто никогда не сможет установить... Когда оно (государство — Л.Б.) есть, нет надобности взирать на другой образец государственного устройства, но достаточно возможно сильнее к нему стремиться.” — Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4, М., 1994. С. 191 (Законы, 739 с-е). — Примечание 1999 г.

² См.: К. Маркс. Статья “Коммунизм и аугсбургская “Allgemeine Zeitung”. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 117-118. (“Наше отношение к подобным теоретическим произведениям [Леру, Консiderана, Прудона — Л.Б.] должна быть тем серьезнее, что мы не согласны с аугсбургской газетой, которая находит “реальность” коммунистических идей не у Платона, а у своего неизвестного знакомого...”)

человеческая личность, в конечном счете, — пыль, ничто. Этую философию воспринял и Маркс. Правда, он слегка “разбавил” ее некоторыми представлениями, идущими от английского эмпиризма и французского материализма. У последних, как мы знаем, был сильный крен в сторону признания реальности единичного, особенного, индивидуального. Английский эмпиризм вообще опирался на традиции номинализма, признававшего только реальность единичного и отвергавшего общее.

Платонизм (а Гегель был его величайшим представителем в новое время) абсолютизирует общее, целое, всё.

Кстати, обо всём. Самое привлекательное высказывание Маркса — что в будущем коммунистическом обществе “свободное развитие каждого является условием свободного развития всех” (Манифест Коммунистической партии) — тоже льет воду на мельницу тоталитаризма. В этом высказывании *каждый* — только **условие** развития *всех*. *Всё, все* для Маркса — абсолютная ценность (*весь, целый* — абсолютные ценности, а *каждый, отдельный* — вроде бы только для того, чтобы *всем* было хорошо). Иными словами, *свободное развитие каждого*, с точки зрения Маркса, — лишь средство, а цель — свободное развитие *всех*.

Гуманистические мотивы, имеющиеся в учении Маркса, многократно перекрываются его тоталитаристскими по своей сути идеями, всем строем его мышления. У него есть поистине чудовищные, людоедские высказывания. Две цитаты.

Вот что он говорил в 1849 году, проанализировав результаты революции 48-го года: “Надо надеяться, что при ближайшей своей победе народ не будет столь простодушен или забывчив, чтобы оставить всех своих палачей на занимаемых ими постах, как он это сделал в марте. Можно с уверенностью сказать, что народ не замедлит подвергнуть всю эту банду реакционных чиновников (обратите внимание на терминологию! — Л.Б.), и в первую очередь кровожадных и лицемерных законников, именуемых также “судьями”, шестимесячному предварительному заключению в пенсильванских тюрьмах (тюрьмы с одиночными камерами — Л.Б.), а затем пошлет их для дальнейшего лечения на строительство железных и шоссейных дорог”¹.

Всё это у нас потом реализовалось в полной мере и даже с перехлестом.

Вторая цитата (1852 г.): “... мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству”².

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. II. Т. 6. С. 275-276.

² Там же. Т. 8. С. 430.

Это тоже мы пережили: и гражданскую войну, и международные войны-конфликты.

Затем, этот знаменитый тезис Маркса: “сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений”¹. Тезис ярчайшим образом характеризует сущность марксова учения о человеке. Человек для него — это нечто, сводимое к обществу, к общественным отношениям.

Идеология социализма и коммунизма, в какой бы форме она ни существовала, так или иначе абсолютизирует “надиндивидуальное”, “надличное”, а отдельного человека, отдельную личность отодвигает на задний план. Любой социализм обречен.

Если идея социализма будет реализовываться, то это опять будет тоталитарное общество, тоталитарный режим.

А теперь я хочу сказать непосредственно по теме: *об ответственности КПСС и суде над КПСС*.

Из печати вы уже знакомы с моими заявлениями по этому вопросу, поэтому не буду повторяться. Напомню только, в чем, по-моему, задача суда над КПСС. *Главная задача состоит в том, чтобы дать правовую, моральную, политическую, экономическую оценку деятельности КПСС за всю ее историю, и, соответственно, определить меру ответственности КПСС перед людьми, народом, человечеством.*

Здесь мне хотелось бы ответить некоторым критикам идеи общественного суда над КПСС. В одном из выступлений прозвучало евангельское: “Не судите сами, да не судимы будете”. На это отвечу: если бы мы не судили друг друга, то в обществе не было бы третьей власти, а свои отношения люди выясняли бы исключительно в кровавых столкновениях. Ведь суд, любой суд — это форма разрешения конфликта мирными средствами. Если бы мы не судили друг друга, то конфликты неизбежно перерастали бы в открытые столкновения, в кровь, убийства, взаимное истребление. Кстати, в той же Библии можно найти другое, прямо противоположное утверждение: “По делам их судите их”.

Нужно также иметь в виду, что слово “суд” в его изначальном значении является корнем слова “рассуждать”, т. е. размышлять, исследовать. Думаю, каждый из нас имеет право расследовать или участвовать в расследовании деятельности КПСС и судить об этой деятельности.

Затем, один из выступающих высказал такую мысль: как можно судить мертвых, это абсурд! Действительно, когда мы ставим проблему суда над КПСС, то соответственно должны

¹ Там же. Т. 3. С. 3.

исследовать деятельность и тех ее руководителей, которых уже нет. На это можно сказать следующее.

Во-первых, если мы говорим о деятельности КПСС, то должны рассматривать ее в целом, и не только в пространственном смысле, а и во временном. Некоторые преступления КПСС, в частности преступления против человечности, не имеют срока давности. И пусть многие из тех, кто совершил эти преступления, отошли в мир иной. Но ведь кто-то остался в живых. Это — первое. И второе: нынешние руководители КПСС, как правопреемники, продолжатели, последователи, несут на себе часть ответственности прежних руководителей за их преступное руководство.

Во-вторых, если мы говорим о главном коммунисте — В.И. Ленине, то должны иметь в виду следующее. Да, со времени его смерти прошло 57 лет. Но можно ли считать, что имя и дело его умерли? — Нет! Помните, как в свое время сказал В.В. Маяковский: “Ленин и теперь живее всех живых”. До сих пор в бесчисленных проявлениях материальной и духовной культуры мы видим Ленина. Возьмем хотя бы памятники, бюсты Ленина: они везде, всюду. И в наших умах столько еще ленинского! Поэтому исследовать деятельность Ленина с новых позиций — необходимая задача. Это называется историческим расследованием. Историческое расследование деятельности коммунистических руководителей должно стать важной составной частью процесса над КПСС.

Говорят еще: “а судьи кто? все мы виноваты, как это можно судить народ?”. Да, виноваты все мы. Виноваты даже те, кто не состоял в КПСС. Виноваты потому, что терпели, что вели себя как бараны. Это так. Но можно ли в коллективной вине народа растворять вину отдельных людей. Не пахнет ли здесь тем же коллективистским духом-подходом, которым всегда отличались коммунисты? Вправе ли мы оправдывать руководителей КПСС, совершивших вполне конкретные преступления, тем, что им помогал в этом народ? Нет, конечно. Все мы виноваты, но *в разной степени*. За преступления КПСС должны ответить ее руководители. Правда, часто они прятались за коллективные решения. (Как ужасен в этой своей ипостаси коллективизм! Человек творил свои черные дела, скрывая свою личную ответственность в так называемом принципе коллективного руководства!) Очень трудно в этой ситуации определить меру личной, индивидуальной ответственности. Тем не менее это нужно сделать. Самим фактом определения меры личной ответственности за преступления мы разоблачим коллективизм как преступную идеологию, как проклятое наследие коммунизма.

Рядовые коммунисты сейчас говорят порой, что виноваты руководители, а они сами не виноваты, не знали, лишь исполняли приказы. На это отвечу: если народ в целом виноват, то тем более

виноваты рядовые члены КПСС, как члены *преступной* организации. Конечно, рядовые коммунисты в большинстве своем были и остаются лично честными, совестливыми людьми. Это, однако, не отменяет того факта, что они вольно или невольно соучаствовали в преступных делах своих руководителей. Ведь масштабность этих преступных дел такова, что в них были вовлечены миллионы и миллионы. Можно даже сказать: одна половина общества совершила преступления, а другая была ее жертвой. Многие были и преступниками, и жертвами. Такова природа тоталитарного режима. Он вовлекал в свою орбиту, в свою преступную деятельность практически все общество.

Рядовые коммунисты несут ответственность хотя бы своим присутствием в партии, тем, что они создавали эффект ее многочисленности, массовости, будто ее поддерживает народ. А материальная поддержка партии в виде членских взносов?! А их молчание или голосование “за” на собраниях?! А сколько на этих собраниях разбиралось секретных и полусекретных дел, определявших судьбу простых людей без их ведома и согласия?! (Вспомним хотя бы только сейчас опубликованный секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях”).

И последнее. Мы должны иметь в виду, что КПСС продолжает до сих пор, даже в условиях отмены 6-ой статьи Конституции, пользоваться своим привилегированным положением в обществе и государстве. У меня на руках проект договора партийной организации с администрацией предприятия. Согласно такому договору администрация обязуется: “Предоставить безвозмездно помещение для работы парткома и кабинета политического просвещения со всем имеющимся оборудованием, в необходимых случаях конференц-залом для проведения массовых мероприятий, собраний. Предоставлять при необходимости имеющиеся в распоряжении завода множительную технику, средства связи, радиовещание”. Да, партия перестала вмешиваться непосредственно в хозяйственные вопросы, но сращенность ее с государственным аппаратом, с административными органами налицо. Фактически до сих пор государство помогает КПСС осуществлять свою деятельность. Такие договора заключаются сейчас сотнями и тысячами. Государственные предприятия, учреждения безвозмездно передают организациям КПСС материальные средства.

ЗЮГАНОВЩИНА

Бойтесь людей, говорящих резкие слова. За резкими словами обычно следуют резкие поступки.

Г.А. Зюганов “раскачивает лодку” демократии при всяком удобном случае. Его фразеология, как правило, уничтожающая, чем всегда отличались большевики. Зюганов старается, конечно, в условиях действия закона об ответственности за разжигание социальной розни и вражды всячески маскировать свою непримиримость к “классовым врагам”. Тем не менее, огульно оханвая действия нынешней президентской команды, всячески раздувая социальные конфликты, постоянно предрекая народные волнения, выступления и т. п. , он подвергает жесточайшему испытанию хрупкий гражданский мир, установившийся в нашем обществе. Суть демократии — взаимное уважение, терпимость, поиски компромиссов, гражданский мир. Зюганову всё это не по нутру. *Не имея возможности объявить открытую войну своим противникам, он постоянно балансирует на грани между гражданским миром и гражданской войной. Он — политический аллерген, вызывающий повышенную (до болезненности) чувствительность общества ко всяким конфликтным ситуациям. В этом суть зюгановщины.*

Зюганов не может жить без врагов. Он ищет их не только внутри страны, но и вне ее. И, конечно, таким внешним врагом номер один для него и его соратников-коммунистов были и остаются США. Зюганов и компания обвиняют США, другие западные страны в попытке подорвать единство и мощь России, в ее бедах и несчастьях. Как это всё знакомо и старо! Еще А.П. Чехов высмеивал таких горе-патриотов: “Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: “Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм...” Это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство!”.

Кстати, здесь нельзя не сказать о своеобразном коммунистическом национализме или национал-коммунизме Зюганова. Ему по всей видимости не дают покоя геростратовы “лавры” Гитлера. Последний, как мы знаем, безудержной националистической пропагандой привел в конце концов Германию к национальной (!) катастрофе.

Ничего удивительного нет в том, что Зюганов — национал-коммунист. Идеи коммунизма и национализма-шовинизма вполне уживаются друг с другом. Те и другие абсолютизируют надличное, надиндивидуальное, коллективное (будь то класс, нация, народ или какая-нибудь иная социальная общность)¹.

¹Вот что, например, писал о национализме немецкий философ А. Шопенгауэр: “...самый дешевый вид гордости — гордость национальная. Ибо кто ею одержим, обнаруживает этим отсутствие в себе каких-либо индивидуальных качеств, которыми он мог бы гордиться, так как иначе ему незачем было бы хвастаться за то, что у него общее с миллионами. У кого есть выдающиеся личные достоинства, тот, напротив, всего яснее видит недостатки собственной

Предшествующая советская история, начиная с 30-х годов, дает наглядный пример не просто сосуществования идей коммунизма и национализма, а их взаимоподдержки-синергизма. Зюганов лишь продолжает-развивает то, что было фактически признано еще при Сталине.

Некоторые политики из демократического лагеря утверждают, что Зюганов теперь уже не коммунист, а националист. И в самом деле, этот деятель откровенно педалирует тему национализма и, напротив, старается не афишировать свои коммунистические взгляды. Он действует так из тактических соображений, чтобы привлечь побольше голосов на свою сторону. Что Зюганов и его фракция в Государственной Думе остаются коммунистами не только по названию, а и на деле, можно видеть на их отношении к такому кардинальному вопросу, как вопрос о частной собственности на землю. Как истые последователи Маркса и Энгельса они активно сопротивляются положительному решению этого вопроса. Если Маркс и Энгельс говорили, что главное в коммунизме — это уничтожение частной собственности, то Зюганов и К[‡] видят свою главную задачу в *недопущении* частной собственности, по крайней мере, на землю. Что ни говори, а название обязывает. Ведь Зюганов возглавляет *коммунистическую* партию и *коммунистическую* же фракцию в Госдуме.

Не выставляя на показ свой коммунизм Зюганов использует почти весь арсенал типично коммунистических понятий. Он постоянно заигрывает с рабочими, крестьянами, низшими служащими, используя по отношению к ним клише “трудящиеся”. Этим он, не говоря прямо о классовой вражде, фактически делит общество на трудящихся и паразитов и такой фразеологией способствует разжиганию социальной ненависти. Ведь если есть трудящиеся, то есть и паразиты, живущие за счет трудящихся. Такова логика и с ней ничего нельзя поделать.

С одной стороны, Зюганов льстит рабочим, крестьянам, низшим служащим, одним махом выдает им индульгенции, а с другой, как бы говорит им: все остальные — нетрудящиеся, значит, паразиты, живущие за счет трудового народа. Отсюда один шаг к тому, чтобы натравить “трудящихся” на

нации, так как они постоянно у него на глазах. А всякий жалкий бродяга, у которого нет за душой ничего, чем он мог бы гордиться, хватается за последнее средство — гордиться той нацией, к какой именно он принадлежит: это дает ему опору, и вот он с благодарностью готов руг *сai laz* (кулаком и пятой — греч.) защищать все присущие этой нации недостатки и глупости.

... индивидуальность стоит далеко выше национальности, и по отношению к каждому данному человеку первая заслуживает в тысячу раз более внимания, чем вторая.” — А. Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости.

“нетрудящихся”. В самом деле, трудящийся — по определению хороший человек, а нетрудящийся — плохой. Осанна хорошему человеку! Долой плохого человека, ату его! Вспомним революционную песню “Вихри враждебные” и что в ней говорится о “паразитах трудящихся масс”:

Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс...

Великая ложь коммунистов и прокоммунистических профсоюзных деятелей — называть одни социальные слои трудящимися, а другие нетрудящимися, оценивать людей по признаку принадлежности к той или иной социальной группе — трудящиеся они или нет. Это тот же классовый подход, оценивающий людей не по их личным качествам и достижениям, а по их принадлежности к тому или иному общественному слою. К чему приводит классовый подход — мы знаем.

И потом, кто сказал, что торговцы, коммерсанты, бизнесмены, предприниматели, финансисты, высшие государственные служащие — нетрудящиеся, сиречь паразиты?! Они разве не трудятся, не работают? И разве их деятельность не важна для общества? Нет ничего проще обогнать и опорочить всех тех, кто не занимается непосредственно физическим трудом. (Поэта Иосифа Бродского в 1964 году осудили за то, что он якобы был тунеядцем, т. е. “не работал в сфере материального производства” — так буквально было записано в приговоре суда. Коммунисты остаются верны себе до сих пор.)

Называя рабочих и крестьян трудящимися, коммунисты вольно или невольно апеллируют к примитивному сознанию людей физического труда, считающих, что только их труд заслуживает названия труда, а всякая остальная деятельность, не производящая непосредственно материальных ценностей, не является трудом в подлинном смысле. Коммунисты здесь мыслят и действуют как самые настоящие реакционеры. Не случайно они выбрали символом своего движения *серп и молот* — примитивные орудия труда, доставшиеся нам чуть ли не от каменного века.

Отметим также следующее. В советский период коммунисты прославляли труд. Это было лицевой стороной медали, а оборотной стороной — затратная экономика. Между тем и другим существует определенная логическая связь. Чем больше мы прославляем труд, тем больше ориентируемся на труд ради труда, а не на результат. Коммунисты загоняли себя и общество в угол. Ведь в итоге получилась крайне неэффективная затратная экономика. Люди гробили себя во имя труда, во имя Марковой трудовой теории стоимости...

Зюганов пытается соединить несоединимое: быть политиком парламентского типа и в то же время оставаться большевиком-коммунистом ленинского типа. Он все время ведет себя как

хамелеон: то ярко красный, то розовый и почти белый. Пока в его руках нет президентской власти, он так и будет вести себя. Ситуация в данном случае не вынуждает его делать жесткий выбор в пользу того или иного цвета. Но если он победит на президентских выборах, то жди его перерождения: либо он однозначно покраснеет со всеми вытекающими последствиями (в частности, беспощадно подавляя оппозицию и проводя политику ренационализации), либо станет однозначно розовым — политиком социал-демократического типа, сохраняя и развивая реформы.

Безусловно, такой политик опасен для демократии. Используя всякое обострение ситуации для “раскачивания лодки”, он может сыграть роль дополнительного взрывателя-детонатора в обществе и привести Россию к гражданской войне.

Если Зюганову не чужды понятия чести, порядочности, совести, то он должен, наконец, определиться, с кем он: с коммунистами-экстремистами или с политиками социал-демократической ориентации. Честная политика и такое шатание между коммунизмом и социал-демократизмом несовместимы.

С другой стороны, нам, демократам, нужно добиваться полного развенчания коммунистической идеологии. Нужен, наконец, суд над коммунизмом! Коммунизм и демократия несовместимы!

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС О КАЗАРМЕННОМ КОММУНИЗМЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

Водораздел между марксизмом и немарксистскими концепциями социализма провести непросто. Можно ли считать сталинизм выражением подлинного марксизма? Нет. С другой стороны, сталинизм нельзя однозначно причислять к немарксистским концепциям. Марксизм — весьма сложное учение.

Возьмем казарменный коммунизм. Что это? Марксистская концепция или немарксистская? Для большинства ортодоксальных марксистов этот вопрос покажется, по меньшей мере, странным. В самом деле К. Маркс и Ф. Энгельс на протяжении всей жизни решительно выступали против теорий грубоуравнительного и казарменного коммунизма. К. Маркс еще в “Экономическо-философских рукописях” заклеймил грубоуравнительный коммунизм как реакционную и

¹ Статья опубликована в сборнике “Немарксистские концепции социализма в свете нового политического мышления”. М., 1989 — по материалам одноименной научно-теоретической конференции, состоявшейся в декабре 1987 г. в Москве под эгидой Философского общества СССР.

античеловеческую по своей сути доктрину. Он отмечал следующие его черты:

1) такой коммунизм “стремится уничтожить все то, чем на началах *частной собственности* не могут обладать все; он хочет *насилиственно* абстрагироваться от таланта и т. д. .. категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей”;

2) это коммунизм, “отрицающий повсюду *личность человека*”;

3) ему свойственна “*жажда нивелирования*”. “Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из представления о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее”¹.

Ф. Энгельс в 1843 году писал: “Эгалитарии были довольно-таки “грубоватыми людьми”, подобно бабуистам великой революции. Они хотели превратить мир в общину рабочих, уничтожив всякую утонченность цивилизации, науку, изящные искусства и т. п. как бесполезную, опасную и аристократическую роскошь; это был предрассудок, который являлся неизбежным результатом их полного незнакомства с историей и политической экономией”².

В “Манифесте Коммунистической партии” Маркс и Энгельс писали о том, что революционная литература подобного рода “по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность”³.

В 1873 году Маркс и Энгельс подвергли резкой критике бакунинско-нечаевский проект будущего общественного строя, назвав его образчиком казарменного коммунизма. Проект, в частности, предусматривал принудительное, под страхом лишения пищи и кровя, объединение населения в артели с полнейшей “коллективизацией быта”. Интересны детали проекта, выделенные Марксом и Энгельсом. Вот как они описывали его: “Каждая артель выбирает из своей среды оценщика, который регулирует ход работы, ведет книги для записи производства и потребления, а также производительности каждого рабочего, и служит посредником с общей конторой данной местности. Контора, состоящая из избранных членов всех артелей данной местности, производит обмен между этими артелями, заведует всеми общественными учреждениями (спальнями, столовыми,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 114-115.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.1. С. 530.

³ Там же. Т. 4. С. 455.

школами, больницами) и руководит всеми общественными работами: “все общие работы находятся в ведении конторы, тогда как все индивидуальные, где необходимы особое искусство и навык, выполняются отдельно артелями”. Далее идет подробная регламентация воспитания, рабочего времени, кормления детей, освобождения от работы изобретателей и т. д.

“При полнейшей публичности, гласности и деятельности каждого пропадает бесследно, исчезнет всякое честолюбие, какое теперь понимают, и всякая ложь... тогда стремлением каждого будет производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше; в этом сознании своей пользы для общества будет заключаться вся гордость, все честолюбие тогдашних деятелей”.

Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому не известный *“наш комитет”*¹.

Как видим, отношение Маркса и Энгельса к грубоуравнительному и казарменному коммунизму недвусмысленно отрицательное. Но что мы видим в XX веке? Коммунистическое движение, выросшее на почве марксизма, то в одной, то в другой, то в третьей стране уклоняется в сторону грубоуравнительного и казарменного коммунизма. Выстраивается даже определенная гамма, лестница этих уклонений: от умеренных, слабых проявлений казарменного коммунизма до крайних форм (некоторые европейские социалистические страны, СССР в сталинский период, Китай периода “великой пролетарской культурной революции”, полпотовская Кампучия). А это уже похоже на своего рода закономерность. Возникает вопрос: не являются ли все эти

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 414.

Примечание 1998 г.: Критикуя бакунинско-нечаевский проект, К. Маркс в этот же период в “Критике Готской программы” (1875 г.) высказывает практически те же идеи, только не в таком детализированном виде: на первой фазе коммунистического общества, пишет он, отдельный производитель “получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме”. — У Бакунина с Нечаевым “никуму неизвестный *“наш комитет”*”, а у Маркса — “общество”. Та же анонимная коллективность. Далее, у первых — оценщики и конторы, у последнего — квитанции и общественные фонды. Разные слова а суть одна: разве возможны квитанции без оценщиков и контор?!

уклонения не следствием нерадивости учеников Маркса, а следствием некоторых просчетов в самой марксистской концепции коммунизма?

Теперь, с высоты конца XX столетия, мы можем трезво взглянуть на некоторые марксистские положения и прямо сказать, что они по существу не выдержали испытание временем. Маркс и Энгельс, например, были убеждены в том, что экономика послекапиталистического общества будет нерыночной¹. Они преувеличивали значение планирования, централизации, укрупнения, обобществления, государственных форм собственности и, соответственно, государственных механизмов управления. Их ученики в реальной практике коммунистического строительства сбивались на чрезмерную регламентацию общественной жизни, на командно-административный стиль управления, в ряде случаев вынуждены были идти на преимущественно карточную систему распределения продуктов. Последняя неизбежно порождает в массовом масштабе уравниловку, не дает свободы маневра для хозяйственной деятельности, тормозит научно-технический прогресс.

Разве во всем этом не проглядывают черты казарменного коммунизма?! Какой же выход из создавшегося положения? Выход один — перестройка. Перестройка не только хозяйственных отношений, не только политической системы, но и самого нашего мышления. А это значит отказ от всего, что так или иначе приводит к ситуации казарменного коммунизма...

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ К. МАРКСА НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО

(ГУМАНИЗМ)

Истинным субъектом исторического действия является отдельный человек, личность, индивид

(ТОТАЛИТАРИЗМ)

Сущность человека — не абстракт, присущий отдельному индивиду. Она есть совокупность всех общественных отношений

(1) “История” не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как

(1) “...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений”. — Т. З. С. 3.

Комментарий: это одно из самых известных высказываний Маркса. Оно стало буквально материальной силой, т.к. овладело сознанием многих и многих

¹ См.: Там же. Т. 23. С. 88-89, 773. Т. 19. С. 15-20.

деятельность
преследующего свои
цели человека”. — Т.
2.¹ С. 102.

марксистских теоретиков, а через них и практиков. В этом высказывании чувствуется влияние Гегеля. Именно Гегель представлял отдельного человека, индивидуума чем-то абстрактно-природным.

Во-первых, зачем это противопоставление: “не, а”? (Не абстракт, присущий отдельному индивиду, а совокупность всех общественных отношений.) Какое-то извращение — представлять отдельного живого человека-индивидуа абстрактом, т. е. чем-то абстрактным, нежизненным, неконкретным.

Во-вторых, разве в самой сущности человека нет индивидуального, природного начала? Разве индивидуальное, природное — это нечто несущественное, второстепенное?

(2) “Человек более бесконечен, чем гражданин государства”. — Т. 25, ч. 1. С. 447.

(2) “Человек — это мир человека, государство, общество”. — Т. 1. С. 414 (1843-1844 г.г.).

(3) “Афоризмы Фейербаха меня не удовлетворяют лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику”. — Из ранних произведений. М., 1958. С. 257 (1843 г.).

(3) “Гегель… забывает, что сущность “особой личности” составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество, и что государственные функции и т. д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Понятно, следовательно, что индивиды, поскольку они являются носителями государственных функций и властей, должны рассматриваться по своему социальному, а не по своему частному качеству”. — Т. 1. С. 242.

(4) “Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения,

(4) “то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо”. — Из ранних произв. С. 590. См. также: Т. 42. С. 115.

¹ Здесь и далее (в разделе) тома сочинений К. Маркса приводятся по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е издание

чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самим собой, ибо человек есть часть природы”. — Из ранних произв. С. 562.

(5) “коммунисты отнюдь не хотят, как думает святой Макс (М. Штирнер) и как повторяет за ним [Арнольд Руте], уничтожить “частного человека” в угоду “всеобщему”, жертвующему собой человеку: это чистейшая фантазия”. — Т. 3. С. 236.

(5) “отдельный человек слаб, но мы знаем также, что целое — это сила”. — Т. 1. С. 70.

Комментарий: характерное для Маркса высказывание. Здесь тебе и колективизм, и социализм-коммунизм, и холизм. См. также п. 11. Маркс в данном случае видит лишь одну сторону медали: слабость индивида и силу общества. В действительности отдельный человек может быть и сильнее общества. Например, изобретатель, первоходец, первооткрыватель, как правило, бросают вызов *всему* человечеству. Изобретатель как бы говорит ему: ты, человечество, не можешь, а я могу! Первооткрыватель как бы говорит ему: ты, человечество, не знаешь, а я знаю!

Вообще сомнительно сравнивать силу отдельного человека и человечества. Во-первых, зачем это противопоставление: индивид слаб, а целое — сила?! Отдельный человек и человечество работают, так сказать, в одной упряжке. Каждый на своем месте. Во-вторых, у каждого *своя* сила. Сравнивать силу индивида и силу общества все равно что сравнивать силу быка и силу коня. У каждого *своя* жизнь, свое предназначение. В чем-то индивид силен, общество слабо, и, наоборот, общество сильно, индивид слаб.

Общество — лишь некоторое множество людей, взаимодействующих друг с другом. Оно не может многое из того, что может отдельный человек. Оно не может любить, рожать, чувствовать, мыслить и т. д. и т. п. Все, что

общество делает, оно делает через *отдельных* людей.

(6) К. Маркс критикует “истинного” социалиста Криге: “Идеал коммунистического человека таков: “Он носит на себе печать рода человеческого” (про кого нельзя сказать того же самого уже теперь?), “определяет свои собственные цели сообразно целям рода человеческого” (как будто человеческий род есть некая личность, у которой могут быть свои цели!) “и лишь для того старается стать вполне самим собой, чтобы иметь возможность отдать роду человеческому всего себя, какой он есть и каким может стать” (полное самопожертвование и самоунижение перед каким-то фантастическим призраком)”. — Т. 4. С. 10.

(7) Человек является свободным в том случае, “если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность”. — Т. 2. С. 145.

(8) “Эта противоположность [между эгоизмом и самоотверженностью] является лишь кажущейся, потому что одна из сторон, так называемое “всеобщее”, постоянно порождается другой стороной, частным интересом, а отнюдь не

(6) “Общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях”. — Т. 46. Ч. II. С. 222. (1857-1858 г.г.)

(7) “Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни”. — Из ранних произв. С. 590.

(8) “только в коллективе существуют для каждого индивида средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода”. — Т. 3. С. 75. (Сравн.: первая колонка — 19, 20).

(9) “Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно”. — Т. 23. С. 10.

(10) “Развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении”. — Т. 3. С. 440.

противостоит последнему как самостоятельная сила, имеющая самостоятельную историю". — Т. 3. С. 236.

(9) Маркс критикует грубоуравнительный коммунизм: коммунизм "в его первой форме" "хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т. д." "Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека". — Из ранних произв. С. 586. /Т. 42. С. 114.

"Грубый коммунизм есть лишь выражение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из представления о некотором минимуме. У него — определенная ограниченная мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее". — Т. 42. С. 113-125.

(10) "Коммунисты вообще не проповедуют никакой морали, — каковой проповедью Штирнер занимается сверх всякой меры. Они не предъявляют людям морального требования: любите друг друга, не будьте эгоистами и т. д. ; они, наоборот, отлично знают, что как

(11) "Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы

частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами...

...должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления и предоставить каждому необходимый общественный простор для его наступных жизненных проявлений. Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества" (см. похожее: п. 5). — Т. 2. С. 145.

(12) лишь "в планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции". — Т. 23. С. 341.

Комментарий: прямо по Гегелю! Этот тезис Маркса явно не согласуется с его же утверждением о том, что "человек свободен... вследствие положительной силы проявлять свою индивидуальность" (см. п. 7 в левой колонке). Что это? оговорка или он думал так на самом деле? Если сопоставить указанный тезис с его же тезисом о сущности человека (не есть абстракт, присущий отдельному индивиду..., а... совокупность всех общественных отношений — см. п. 1), то приходится констатировать, что здесь мы имеем дело отнюдь не со случайно оброненной фразой, тем более, что тезис является частью тщательно продуманного текста первого тома

эгоизм, так и самоотверженность есть
при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов.

Следовательно...” — см. далее п. (5). — Т. 3. С. 236.

(11) “Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства”. — Т. 3. С. 37.

(12) [При коммунизме] “сознание своих взаимоотношений... станет у индивидов совершенно другим и не будет поэтому ни “принципом любви” или самоотверженностью, ни эгоизмом”. — Т. 3. С. 441.

(13) “Не будучи в состоянии проследить действительный ход истории, г-н Прудон вместо этого преподносит нам фантасмагорию... Он не чувствует потребности говорить о XVII, XVIII и XIX веках, потому что его история совершается в заоблачных высиях воображения, и витает высоко за пределами времени и пространства. Словом, это — гегелевский хлам; это не обыденная история — история людей, а священная история — история идей. С его точки зрения человек — только орудие, которым идея или вечный разум пользуются для своего развития”. Из письма П.В. Анненкову, 28. XII. 1846. — Т. 27. С. 402.

“Капитала” — главного произведения Маркса.

(13) “... надо иметь в виду, что хотя рабочему классу еще могут предстоять временные поражения, уже вступили в действие великие социальные и экономические законы, которые обеспечат его конечную победу”. — Т. 10. С. 649.

Комментарий: здесь явно просматриваются исторический фатализм и детерминизм a la Лаплас. Законы будто бы сильнее чего-кого бы то ни было. Сильнее человека. Человек — марионетка в “руках” законов.

(14) “Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые он может разрешить”. — Предисловие “К критике политической экономии” (1859 г.). — Т. 13. С. 7. (Сравните подчеркнутый текст в п. 5 в левой колонке: Маркс явственно замечает — “как будто человеческий род есть некая личность, у которой могут быть свои цели”).

(15) “В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы

(14) “Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей”. — Из письма П.В. Анненкову 28 декабря 1846 г. — Т. 27. С. 402.

(15) “Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всего лишь история их индивидуального развития, сознают они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные

отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность”. — Там же. С. 403.

(16) “Поэтому указанная истинная общественная связь возникает не вследствие рефлексии; она выступает как продукт нужды и эгоизма индивидов, т. е. как непосредственный продукт деятельности осуществления индивидами своего собственного бытия. От человека не зависит, быть или не быть этой общественной связи (?? — Л.Б.); но до тех пор, пока человек не признает себя в качестве человека и поэтому не организует мир по-человечески, эта общественная связь выступает в форме отчуждения. Ибо субъект этой общественной связи, человек, есть отчужденное от самого себя существо.

общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание”. — Там же. С. 6.

Комментарий: разве только общественное бытие определяет сознание людей? А природное бытие? Опять социологизаторство.

(16) Человек рассматривается Марксом как **фактор** производства наряду со средствами производства:

“Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя”. — Т. 24. С. 43-44.

Комментарий: человек всегда *субъект* деятельности, в том числе производственной деятельности. Рассматривать его как фактор производства наряду с другим фактором — средствами производства, — значит низводить его до роли фактора, одного из факторов, а не главной фигуры производства.

Сравн.: в последний период советской истории много говорили о *человеческом факторе*. Это была слабая попытка повернуть экономику лицом к человеку, к человеческим нуждам-проблемам-запросам. И какая это была в сущности негодная, извращенная попытка! Человек — субъект, личность, индивидуум —

Люди — не в абстракции, а в качестве действительных, живых, особенных индивидов — суть это сообщество. Каковы индивиды, такова и сама эта общественная связь”. — Т. 42. С. 23-24.

Комментарий:
последние высказывания Маркса находится в явном противоречии с утверждениями, которые он перед этим сделал: “Так как человеческая сущность является истинной общественной связью людей, то люди в процессе деятельного осуществления своей сущности творят, производят человеческую общественную связь, общественную сущность, которая не есть некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством”. (Далее следует текст, приведенный ранее, до комментария).

(17) В “Святом семействе” Маркс с сочувствием цитирует Бентама: “Мы приведем из Бентама только одно место, где он оспаривает “всеобщий интерес в политическом смысле”: “Интерес индивидуумов... должен уступать общественному интересу. Но... что это значит? Не составляют ли

представлялся как *фактор*, т. е. как *объект*, *элемент*, *условие* производства! Вроде бы забота о человеке, а на поверку отношение к нему как к рабочей силе или скотине.

(17) “Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития”. — Т. 46. Ч. 1. С. 229.

(**Nota bene:** переводимые на русский язык выражения “совокупное целое”, “целостность” фигурируют в оригинале как “Totalitdt”.)

(18) Маркс об обществе как субъекте, организме, живом существе: “Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов”. — Т. 23. С. 10.

каждый индивидуум такую же часть общества, как и всякий другой? Этот общественный интерес, который персонифицируете, представляет собой только абстракцию: он является не чем иным, как совокупностью

индивидуальных

интересов... Если признать желательным жертвовать счастьем одного индивидуума для увеличения счастья других, то, стало быть, еще более желательно жертвовать счастьем также и второго и третьего и так до бесконечности...

Индивидуальные интересы — единственно реальные интересы". — Т. 2. С. 148.

(18) "...пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, которое является в то же время и условием существования всего предшествующего общества, т. е. должны уничтожить труд. Вот почему они находятся в прямой противоположности к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности". — Немецкая идеология. Март 1846 г. — Т. 3. С. 77.

(19) "...уже сами господствующие классы начинают смутно чувствовать, что теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения". — Т. 23. С. 11.

(20) "Древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения" ("Капитал"). — Т. 23. С. 89.

Комментарии:

1. (К п.п. 18,19,20) Человеческое общество не организм, а живая статистическая система или даже просто совокупность людей, взаимодействующих друг с другом. Разве можно, например, стадо животных или какую-либо их популяцию называть организмом?! Органицизм во взглядах на общество (а им в значительной степени грешил Маркс) неизбежно приводит к тоталитаристскому мышлению.

2. По поводу "незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми". Каждый человек изначально индивидуален; изначально индивидуален и первобытный человек. Откуда Маркс взял, что индивидуальность древнего человека была незрелой и слабее, так сказать, его естественно-родовых связей? Индивид и род, личность и общество, индивидуализм и коллективизм — полюсы жизни, которые если и развиваются, зрелеют, то параллельно-совместно. Как

развивается и углубляется индивидуальность человека — на одном полюсе жизни, так развивается и углубляется его коллективизм (в частности, естественнопородовая связь) — на другом полюсе жизни.

(19) “Исходной точкой для индивидов всегда служили они сами, — взятые, конечно, в рамках данных исторических условий и отношений, а не в качестве “чистого” индивида, как его понимают идеологи”. — Т. 3. С. 75.

(20) “Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой “природы”, так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу? Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установленвшимся, а находится в абсолютном движении становления”. — Т. 46. Ч. 1. С. 476.

(21) “Таким образом, это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами). Это понимание истории, в отличие от идеалистического, не разыскивает в каждой эпохе какую-нибудь категорию, а остается все время на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а объясняет идейные образования из материальной практики”. — Т. 3. С. 36-37.

Комментарий: эти мысли-высказывания Маркса весьма характерны для него (см. п.п. 2, 3, 4, 7, 9, 11, 14, 15, 16, 17). В них фигурирует, так сказать, *валовой подход* к человеческим проблемам, когда акценты в них все время смещаются в сторону некоторых общих социальных проблем, некоторых общих проблем человеческого бытия. А проблемы *отдельного, вот этого* человека (как

(21) “по мере того как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью и, следовательно, действительностью его собственных сущностных сил, все предметы становятся для него определяющим самим себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, его предметами”. — Т. 42. С. 121.

Комментарий:
последнее высказывание Маркса просто замечательно! К сожалению, оно соседствует с другими его высказываниями, в которых утверждается нечто прямо противоположное, а именно подчеркивается общественный характер сущности человека. См. п. 4 в правой колонке. Здесь налицо любовь Маркса к парадоксам. В одном и том же человеке он объединяет индивидуальность и общественную сущность, т. е. по существу отождествляет человека и общество.

живого существа) во всей их полноте Маркса волнуют очень мало или вообще не волнуют. Он упоминает о них, как правило, вскользь, скороговоркой, перечислением, только обозначает их, но не расшифровывает. Марксу присущ недостаток, обратный тому, который выражается поговоркой “за деревьями не видеть леса”. Маркс “за лесом не видит отдельных деревьев”. Он воспринимает “лес” как некоторую сплошную массу, которая в лучшем случае подразделяется на отдельные крупные части, группы “деревьев” (общественные классы, если говорить об обществе). Маркс назвал свое учение материалистическим пониманием истории, историческим материализмом. Но ведь история — это “лес”. А где же отдельные “деревья”, люди? Их у Маркса не видно. Он очень редко употребляет слова “человек”, “люди” и постоянно говорит о рабочих, рабочем классе, трудящихся, буржуазии, капиталистах, производительных силах, производственных отношениях и т. д. и т. п. А ведь человек — не только рабочий, капиталист, производительная сила. Он — живое существо, отец, мать, сын, дочь, муж, жена, друг, подруга, поэт, изобретатель, спортсмен, зритель — в тысячах своих ипостасях, проявлениях. Он трудится, отдыхает, наслаждается, страдает, увлекается, ведет себя нередко случайным образом (например, затевает любовный роман, драку, путешествует, нарушает правила дорожного движения). Рассматривать человека только как эксплуатируемого или эксплуатирующего, богатого или бедного, только как трудящегося или

паразита — это значит бесконечно обеднять его сущность, превращать его в какую-то ходячую схему.

Апология общества

(22) “Таким образом, общественный характер присущ всему движению; как само общество производит человека как человека, так и он производит общество. Деятельность и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по способу существования, носят общественный характер: общественная деятельность и общественное пользование. Человеческая сущность природы существует только для общественного человека; ибо только в обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком, бытием его для другого и бытием другого для него, жизненным элементом человеческой деятельности; только в обществе природа выступает как основа его собственного человеческого бытия. Только в обществе его природное бытие является для него его человеческим бытием и природа становится для него человеком. Таким образом, общество есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы” (Экономическо-философские рукописи, 1844). — Т. 42. С. 115.

Комментарий: здесь явная апология общества и всего общественного. Человек и природа рассматриваются как части общества, как его подчиненные моменты, а общество рассматривается как целое, единство, в котором они снимаются, преодолеваются в высшем синтезе. С этой точки зрения человек и природа более односторонни и, следовательно, ущербны по сравнению с обществом. Общество — высшая ценность, высшая истина. А человек — лишь

часть, момент общества. Вот вам и тоталитаризм в слегка подслащенном виде.

Сама манера изложения мыслей у Маркса — безапелляционная, категорическая. Он не делится мыслями с читателем, а вбивает, вколачивает их в сознание, в мозг читателя как гвозди. Он часто вещает как пророк. Наукой тут и не пахнет.

(23) “Мы видим, что только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм, деятельность и страдание утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей”. — Т. 42. С. 123.

(24) “Смерть кажется жестокой победой рода над определенным индивидом и как будто противоречит их единству; но определенный индивид есть лишь некое определенное родовое существо и как таковое смертен”. — Т. 42. С. 116.

(25) “... отдельная личность сливается с жизнью целого, а целое находит отражение в сознании каждой отдельной личности”. — Т. 1. С. 103.

Комментарий: во взглядах Маркса явно просматривается холистская тенденция (абсолютизация целого, целостности). См. также п.п. 5, 11, 17, 24). Холизм, как и организм, — прямая дорога к тоталитаризму.

Антигуманизм Маркса

(22) “Я смеюсь над так называемыми “практическими” людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и

(26) “мы доказывали, что всякое революционное восстание, как бы далеко ни лежали, казалось, его цели от классовой борьбы, должно окончиться поражением, пока не победит революционный рабочий класс, что всякое социальное преобразование останется утопией, пока пролетарская революция и феодальная контрреволюция не

заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине непрактичным, если бы подох... не закончив своей книги (“Капитал” — Л.Б.”). — Из письма к З. Майеру, 1867 г.

(23) “...цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель”. — Т. 1. С. 65.

(24) Первый Интернационал ставил своей целью “добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами”.

(25) Маркс определял коммунизм “как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. — человечному. Такой коммунизм... = гуманизму”. — Т. 42. С. 115-116. (Экономическо-философские рукописи).

померяются силами в мировой войне”. (“Наёмный труд и капитал”, апрель 1849 г.). — Т. 6. С. 429.

Комментарий: эти мысли Маркса ужасны, антигуманны по своей сути. Что для него жизнь отдельного человека, копейка! Ведь мировая война, как показал опыт, — это неизбежно гибель миллионов и миллионов людей. И как это можно говорить о ней спокойно-играючи: “пока... не померяются силами в мировой войне”?! О каком гуманизме здесь может идти речь! Разве можно допустить гибель миллионов людей, разрушение предметов материальной и духовной культуры **во имя** гуманизма. Это абсурд. Сама мысль о неизбежности-желательности мировой войны антигуманна.

(27) “Надо надеяться, что при ближайшей своей победе народ не будет столь простодушен или забывчив, чтобы оставить всех своих палачей на занимаемых ими постах, как он это сделал в марте. Можно с уверенностью сказать, что народ не замедлит подвергнуть всю эту банду реакционных чиновников и в первую очередь кровожадных и лицемерных законников, именуемых также “судьями”, шестимесячному предварительному заключению в пенсильванских тюрьмах (тюрьмы с одиночными камерами — Л.Б.), а затем пошлет их для дальнейшего лечения на строительство железных и шоссейных дорог” (Политический процесс. 9 февраля 1849 г.). — Т. 6. С. 275-276.

Комментарий: антигуманно зачислять всех служащих-чиновников (административных работников) во “всю эту банду реакционных чиновников”, а тем более всех судей в разряд “кровожадных и лицемерных законников”. Антигуманно зачислять людей исключительно по профессиональному признаку (по принадлежности к определенной социальной группе) в разряд врагов,

бандитов, реакционеров, кровожадных и лицемерных. Коллективизм здесь явно подводит Маркса. Теория коллективной ответственности, коллективной вины очень опасна. Она нивелирует человека как индивидуальность, игнорирует его индивидуальность. Ведь есть чиновники

и чиновники, судьи и судьи. Одни из них добрые, другие злые, одни справедливые, другие несправедливые. У всех них есть матери, отцы, братья, сестры, жены, дети, родственники, друзья, знакомые. Если человека убивают или репрессируют как классового врага, то ведь страдают невинные люди — его близкие. Аморально наказывать человека не за конкретную вину, а по принадлежности к той или иной социальной группе (классу, профессии, нации, расе).

(28) “... мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству”. — Т. 8. С. 430. (“Разоблачения о кельнском процессе коммунистов”, октябрь-декабрь 1852 г.)

(29) “Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция”. — Т. 23. С. 761.

(30) “Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насилиственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир”. — Т. 4. С. 459. (Манифест Коммунистической партии)

Комментарий (к п.п. 28, 29, 30): будущее коммунистическое общество, согласно тому же Марксу, — общество без эксплуатации, угнетения, и, тем более, без насилия. Цель — общество без насилия. Вопрос: разве можно достичнуть этой цели *путем насилия*? Разве цель оправдывает средства? Сам же Маркс говорил о том, что “цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель” (см. п. 23 в левой колонке). Бывают, конечно, случаи, когда с помощью одной боли (например, хирургической операции) устраниют другую боль. Но в том-то и дело, что человеческое общество — не организм. Его “боли”, “болезни” лишь очень условно можно уподобить болем-болезням организма. Если в организме клетки, ткани, органы не являются самостоятельными целыми, не имеют психики, сознания, разума, то в обществе иная картина: первичные “элементы” общества — люди — являются самостоятельными целыми, субъектами, личностями и т. д. , и т. п. По отношению к ним если и применимо насилие, то сугубо в индивидуальном порядке за конкретные преступные действия. Насилие по отношению к группам людей, по признаку их принадлежности к той или иной социальной группе — это значит обращаться с ними не как с самостоятельными целыми, субъектами-индивидуумами, а как с частями организма. Гуманизмом тут и не пахнет. Напротив, такой взгляд, такой подход к человеку продуцирует самый свирепый антигуманизм.

(31) “... кто же разрешает задачу рабочего? Никто. Разрешается она не во Франции, она здесь только провозглашается. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; война классов внутри французского общества превратится в мировую войну

между нациями. Разрешение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии. Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией...” — Т. 7. С. 80.

(32) “... настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию” (везде подчеркнуто мной — Л.Б.). — Цит. по: “Литературное обозрение”, 1989, № 2, с. 49.

Комментарий: Маркс наивно полагал, что путем невиданного в истории террора (гораздо более жестокого и массового, чем террор 1793 года во Франции) можно достичь “подлинной и всеобщей цивилизации”. Какое трагическое заблуждение!

Спрашивается, откуда у Маркса такая непоследовательность, противоречивость во взглядах на человека и общество? Ответ в общем-то ясен: Маркс часто рассуждает как софист, софистически отождествляет противоположности и даже оборачивает их. В одном случае он, например, говорит о “сущности человека”, что “в действительности она есть совокупность всех общественных отношений”, а в другом — об обществе, что это “сам человек в его общественных отношениях”. Пойми, разберись: где человек, а где общество! Маркс не очень заботился о соответствии своих мыслей друг другу. Более того, он любил парадоксы. Это в конечном счете его и подвело. На бумаге парадоксы выглядят красиво и даже гениально. Когда же они проводятся в жизнь, то перед практиками-исполнителями всегда возникает ситуация жесткого выбора: либо-либо, либо проводить в жизнь одну (утвердительную) половину парадокса, либо другую (отрицательную) половину. В итоге мы наблюдаем мозаичную картину: где личность приносится в жертву обществу, а где общество заботится о личности так, будто личность — младенец, не способный к самостоятельной жизни. В СССР мы постоянно наблюдали такую мозаичную картину.

СТАРОЕ И НОВОЕ¹

Ни одна новая мысль не пугала его потому, что она новая, и ни одна новая мысль не покоряла его потому, что она новая.

О С.И. Танееве-педагоге

Старое и новое — виды действительности, взятые в аспекте становления. Различие старого и нового предполагает выход за пределы данной действительности, в реальность взаимоотношений действительности и возможности, а именно, в реальность становящегося.

Взаимоотношения действительности и возможности таковы, что одна "часть" возможностей вызревает в недрах *старой* действительности, является как бы ее детищем, а другая "часть" возможностей "приходит" со стороны, является внешней для этой действительности. Действительность лишь отчасти можно уподобить пауку, который ткет паутину из самого себя. Не все возможности вытекают из старой действительности. В том-то и состоит принципиальное отличие возможности от действительности, что она создает условия для возникновения совершенно другой, *новой, небывалой* действительности. Благодаря возможности (прежде всего случайности и свободе) новая действительность содержит в себе такие моменты, которых *не было* в старой действительности. Хотелось бы особо отметить роль случайности в возникновении нового. Вот что пишет по этому поводу В.П. Огородников: "Вопрос об источнике нового тесно связан с проблемой случайного, роли последнего в процессе. "Чистая" необходимость, не оставляя места случайности, упраздняет новое. В самом деле, если некоторое предшествующее определяет некоторое последующее с абсолютной необходимостью, то, следовательно, между прошлым и настоящим, настоящим и будущим существует однозначное соответствие. Любое новое как то, чего не было, выбивается из рамок этой однозначности"². Это, конечно, не значит, что другие моменты возможности, в том числе необходимость, играют меньшую роль в возникновении нового. Возможность "ведет себя" по отношению к действительности как *целокупность* всех своих моментов. Поскольку старое и новое — старая и новая *действительности*, поскольку они выступают как *целокупности*, обнимающие собой все моменты действительности: явление, статистическую закономерность,

¹ Фрагмент книги: Л.Е. Балашов. Категориальная картина мира. (Основы категориальной логики).

² Огородников В.П. Познание необходимости. М., 1985. С. 78-79.

закон, сущность. Можно говорить *в отдельности* о старых и новых явлениях, старых и новых законах (статистических закономерностях), старой и новой сущности. Но это будет определенная условность. *Старое и новое* являются старым и новым именно как действительности, как целокупности указанных выше моментов. Это можно видеть из следующего. Мы говорим о старых и новых вещах, событиях делах, друзьях, привычках, обычаях, временах, идеях и т. д. и т. п. Все эти "предметы" имеют значение старых или новых не сами по себе, не в своей отдельности, а лишь в *контексте* жизни, индивидуальной или родовой, общественной, в *контексте* некоторого потока, целокупности изменений, происходящих в рамках жизни. Старого и нового нет вне жизни, вне ее изменений, трансформации. Иными словами, старого и нового нет в неорганической природе. Если мы говорим о старых или молодых горах (например, о старых уральских и молодых кавказских), то это не более, чем некоторое уподобление неорганического, неживого органическому, живому. Оно как всякое сравнение хромает. Говорят еще о новых и сверхновых звездах, о новолунии, о старом и молодом месяце. Это все либо специальные научные термины, имеющие лишь отдаленное сходство с материальным значением слов-прототипов, либо метафоры, либо остатки прежнего оживотворения неорганической природы.

Далее, как мы уже говорили, не следует путать отношение "старое-новое" с отношением "старое-молодое". Старое и молодое характеризуют разные фазы, этапы *развития*. Старое и новое характеризуют разные фазы, этапы *становления*.

Не следует также путать отношение "старое-новое" с отношением "нишее-высшее". Различие старого и нового не есть различие *ступеней становления*, т. е. не тождественно различению *нишего и высшего*. Новое — это не всегда более высокое (более сложное, совершенное, лучшее), а старое — это не всегда низшее (менее сложное, совершенное, худшее). Различие старого и нового означает лишь то, что действительность как-то меняется: старая действительность обновляется, а новая стареет. Взаимодействие старого и нового — это кристаллический раствор, в котором формируется более высокое, в котором делается возможным переход от низшей формы действительности к высшей. Хотя новое не всегда означает переход на более высокую ступень становления, без него этот переход вообще невозможен. Лишь в рамках переходов от старого к новому и от нового к старому (обновления и старения действительности) возможно становление, т. е. движение от низшего к высшему.

Диалектика старого и нового очень непроста. Правильно ли, например, говорить о возникновении нового как *отрицании*

старого и можно ли построить новое на развалинах старого? Или, может быть, новое — это хорошо забытое старое и ничего нового под луной нет? Вопросам несть числа.

Консервативно настроенные люди склонны держаться старого, боятся изменений, нововведений; напротив, прогрессисты и революционеры хотят, жаждут нового. Кто из них прав? Или каждому свое?

Гегель вполне в духе своих взглядов отдавал явное предпочтение консерватизму. Мы не найдем у него категории старого и нового. А уж представление о новом как *небывалом* для него вообще неприемлемо. Г.М. Елфимов справедливо замечает: "Не случайно Гегель избегал специально ставить вопрос о качественно новом, а постоянно отдавал предпочтение аспектам сохранения и повторяемости в "поступательном движении". Такая позиция связана с необходимостью сохранения требований его системы — абсолютно замкнутой, завершенной системы саморазвивающихся категорий"¹. Взаимоотношения нового и старого нельзя представлять как однолинейный временной процесс: сначала старое, а потом новое. Не всегда новое заменяет, замещает старое. Чаще всего оно становится рядом со старым, уживается с ним. Старое, конечно, теснится, уступает дорогу новому вплоть до исчезновения. Но это происходит не всегда. Посмотрите: практически все низшие формы жизни сохранились и продолжают развиваться, эволюционировать несмотря на то, что возникли и развиваются высшие формы жизни. Старое, древнее потеснилось, но не исчезло или не перешло целиком в новое. Более того, для нового в определенном смысле жизненно важно сохранение старого. В настоящее время люди много говорят об охране окружающей среды. А что это как не стремление сохранить старое, то, что возникло и развивалось до нас?! Новое, конечно, порой стремится уничтожить старое, чтобы жить и развиваться самому. Но оно же нуждается в старом, не может жить без старого. Такова диалектика жизни. Глупо уничтожать старое только потому, что оно старое, и поддерживать новое только потому, что оно новое. "Отречемся от старого мира" — это лозунг, мягко говоря, неумных людей. Жаль, что мы осознаем это только сейчас, на исходе XX столетия.

ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ².

Большевистский переворот 1917 года не был революцией в подлинном смысле. Великая Октябрьская революция — еще один идеологический миф XX столетия. Чтобы как следует

¹ Елфимов Г.М. Возникновение нового. М., 1983. С. 147.

² Фрагмент книги: Л.Е. Балашов. Категориальная картина мира. (Основы категориальной логики).

разобраться в этом, нужно уяснить категориальный статус понятия "революция" (что является революцией, а что не является) и в каком соотношении находится это понятие с понятием "эволюция".

В двадцатом веке человечество "натерпелось" от революций. Идея революции сильно дискредитировала себя. Особенно в России. Почти все стали эволюционистами-постепеновцами. И автор не исключение. Однако, эмоции эмоциями, а логика изложения материала требует, чтобы тема революции была рассмотрена. Понятие революции находится в тесной логической связи с понятием эволюции и игнорировать этот факт нельзя.

Начнем с того, что *эволюция* и *революция* лишь сравнительно недавно были осознаны людьми как важные идеи-понятия. А их категориально-логический статус не определен до сих пор. В нашей версии категориальной логики *эволюция* и *революция* рассматриваются как *виды становления*. В неорганической природе им соответствуют постепенное изменение (постепенность) и скачкообразное изменение (скачок). Эволюция и революция — процессы, которые охватывают собой *сложные органические* изменения, т. е. их необходимым элементом являются процессы *развития*. Скачок и постепенность характеризуют сравнительно простые изменения. Они используются главным образом для характеристики неорганических процессов. Например, выветривание скалы вплоть до ее полного исчезновения — это постепенное изменение, а разрушение скалы в результате землетрясения — это скачкообразное изменение.

Кстати, эволюционная теория *Ламарка* и теория катастроф *Кювье* суть не что иное как попытки объяснения сложных органических процессов эволюции и революции с помощью неорганических понятий постепенности и скачка.

Вот что пишет по поводу ламаркизма *И.Н. Смирнов*:

"Ламаркизм в биологии, как известно, исходит из тезиса, согласно которому процесс развития органических форм прямо и непосредственно определяется воздействием внешней среды. Сложная диалектическая связь организма с внешними условиями жизни подменяется здесь однозначной причинной зависимостью в духе механистического детерминизма: изменение среды — первичное, или причина; изменение организмов — вторичное, или следствие. В этой концепции организмы выступают в качестве пассивного, инертного материала, формирование которого определяется внешними для него условиями. Ламаркистская концепция сталкивается с непреодолимыми трудностями. Прежде всего она игнорирует активную роль живых организмов в преобразовании окружающих их условий. Активность живого организма определяется задачей, "целью", информация о которых хранится в мозгу (или наследственном аппарате). Реализация программы действия предполагает активное преодоление противоборствующих сил внешней среды, ее "подчинение" посредством

целенаправленной деятельности организма. Жизнедеятельность, поведение отдельного живого организма рассматриваются не только как процесс его уравновешивания с внешней средой, но и как его активное воздействие на среду, без чего невозможны дальнейшее развитие и сохранение в соответствии с программой, в значительной степени закодированной в генетическом аппарате (...) Ламаркизм не может дать научно-материалистического истолкования и объяснения факта прогрессивного развития организмов. Положение об определяющей роли внешней среды позволяет отобразить лишь процесс приспособления к среде, а не процесс развития. Развитие есть не изменение вообще, а прогрессивное усложнение организации. В рамках ламаркистской концепции невозможна постановка вопроса о прогрессивном развитии, поскольку в ней идет речь лишь о сохранении живого путем приспособления"¹.

Теперь о катастрофизме и теории катастроф Кювье:

"Для катастрофизма в геологии и биологии, — пишет М.А. Селезnev, — было характерно абсолютное отрицание постепенных качественных преобразований в живой и неживой природе, настаивание на неизменности видов в промежутках между геологическими революциями. Сами же скачки, перевороты, революции, с точки зрения катастрофистов, по своему содержанию означают, с одной стороны, полное исчезновение всего старого растительного и животного мира, а с другой — появление совершенно новой фауны и флоры, более высокого порядка. Революция выглядит, с одной стороны, как акт разрушения, а с другой, как акт творения по воле каких-то таинственных сил. (С. 19-20)". В другом месте он пишет: "Как уже указывалось, катастрофическую интерпретацию развития давал Кювье. 'Разрывы, поднятия, опрокидывания более древних слоев, — писал он, — не оставляют сомнения в том, что только внезапные и бурные причины могли привести их в то состояние, в котором мы их видим теперь... жизнь не раз потрясалась на нашей земле страшными событиями' (Ж. Кювье. Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара. М., 1937, стр. 82-83). (...) Кювье констатировал факт коренных преобразований растительного и животного мира, качественное отличие флоры и фауны различных, следовавших во времени друг за другом геологических эпох, более высокую степень совершенства, организации растений и животных каждой последующей эпохи по сравнению с предшествующей по мере приближения к современности. Геологическая катастрофа в его представлении служила рычагом революционного продвижения растительного и животного мира от низшего к высшему, от простого к сложному (С. 40)"².

Примером редукционистского истолкования понятий эволюции и революции (в смысле неорганических понятий постепенного и скачкообразного изменений) является также их использование для характеристики *масштабных геологических*

¹ Смирнов И.Н. Материалистическая диалектика и современная теория эволюции. М., 1978. С. 233-234.

² Селезnev М.А. Социальная революция. М., 1971.

процессов¹. Последние, при всей вовлеченности в них биосферных процессов, остаются все же по своей природе *неорганическими*. В них нет процессов *развития*, нет *восхождения от низшего к высшему*, как это мы наблюдаем в живой природе.

Дарвиновская теория происхождения видов, хотя и использовала язык органических понятий, обладает тем недостатком, что она пыталась объяснить *революционные* по своей сути процессы (а происхождение видов относится к таковым) с помощью инструментария *эволюционной* теории. Как пишут Г. Грубер и П. Баррет "его теория является теорией продолжающихся изменений в системе, а не теорией возникновения системы"². Лишь с появлением генетической теории мутаций стало возможным объяснение биологических революций. В этой связи, с категориально-логической точки зрения правильнее говорить не об эволюции живой природы, а о ее становлении. Ведь теперь совершенно ясно, что в живой природе наряду с эволюционными (постепенными) процессами время от времени случаются *революционные* (скаккообразные) процессы. И последние не менее важны для становления живой природы, чем первые.

Отношение между понятиями революции и эволюции обобщенно-симметрично. Как революция логически связана с эволюцией, предполагает ее, так и эволюция логически связана с революцией, предполагает ее. Иными словами, становление полноценно лишь при наличии обоих процессов: революции и эволюции. Без революции становление не движется вперед, не прогрессирует, "топчется на месте", "ходит кругами", повторяя, воспроизводя одни те же формы. Без эволюции становление эфемерно, нежизнеспособно, катастрофично.

Революция решает задачу достижения более высокой ступени становления через рождение нового, небывалого.

Эволюция решает задачу развития, совершенствования и распространения нового, укрепления его позиций на достигнутой ступени лестницы становления. Революция — это переход от более низкой, более простой формы развития к более высокой, более сложной форме. Эволюция — это развитие развития, т. е. развитие однажды возникшей формы развития.

* * *

Интересно проанализировать этимологию слов *революция* и *эволюция*. *Революция* происходит от позднелатинского *revolutio*, что значит *поворот, переворот* (Сравн.: *револьвер* —

¹ См., например, статьи "Революция" и "Эволюция" в "Философском энциклопедическом словаре". М., 1983.

² Gruber H.E., Barret P.H. Darwin on Men. New York, 1974, p. 4151. Цит. по: Елфимов Г.М. Возникновение нового. М., 1983. С.90.

огнестрельное оружие с магазином в виде врачающегося барабана или *револьверный* станок — с вращающейся головкой, в которой закрепляются несколько режущих инструментов). В самом деле, революция — это переход одной противоположности в другую, изменение вплоть до наоборот, поворот на 180% и т. д. и т. п. В ней акцент падает на изменении, на противоположности. Эволюция происходит от латинского *evolutio*, что значит *развертывание*. В отличии от *революции* в *эволюции* акцент падает на сохранении, на изменении *внутри* сохранения, на *усилении* сохранения, сохраняющегося, на тождестве с исходным состоянием, на выявлении, развертывании того, что *есть*. Мы видим, что этимологически слово *эволюция* близко по смыслу нашему русскому слову *развитие*. Это, действительно, очень близкие категории. Тем не менее они отображают разные срезы реальности. Эволюция выступает в паре, в логической связи с *революцией*. У *развития* нет такой пары. Если теперь привести конкретный пример *развития*: эмбриональное *развитие* (эмбриогенез) — то увидим, что это *развитие* принципиально отличается от *эволюции*. Оно строго циклично, спиралеобразно, запрограммировано, протекает строго определенным образом и т. д. Эволюция не такова. Ее цикличность, спиралеобразность, запрограммированность не так выражены. Бессмысленно говорить о *развитии* зародыша как *эволюции*. Далее, если возьмем *развитие* человека от момента рождения, то и в этом случае разница между *развитием* и *эволюцией* очевидна. Индивидуальное *развитие* человека в высокой степени запрограммировано и генотипически, и фенотипически. Человек так или иначе "проходит" этапы детства, юности, зрелости... Если же он *эволюционирует* (например, в своем поведении, в своих взглядах), то эта *эволюция* может быть самой разной и непредсказуемой.

Биологическая революция — это возникновение нового вида (новых видов) живого, стоящего (стоящих) на более высокой ступени становления живой природы.

Идея биологических революций, хотя и с трудом, но все же пробивает себе дорогу в науке и философии. О *клеточной революции* писал, например, Тейяр де Шарден. "Клеточная революция", с его точки зрения, "выступает как выражение на кривой эволюции Земли критической и уникальной точки *зарождения* — момент, не имеющий себе подобных. Один раз на Земле — протоплазма, как один раз в космосе — ядра и электроны"¹.

Интересную интерпретацию биологической революции как *ароморфоза* дает М.А. Селезnev. Он пишет:

"Возможности для правильного решения проблемы соотношения

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 89.

скачков и революций в развитии живой природы, на наш взгляд, появились лишь тогда, когда на основе накопленного после Дарвина материала А.Н. Северцов в начале 1930-х годов разработал систему новых понятий для характеристики биологического прогресса. Он показал, что макроэволюция или эволюция крупных групп на уровне выше видового может протекать в трех направлениях: прогрессивном, регрессивном и одноплоскостном. Прогрессивно направленный скачок, с его точки зрения, обеспечивает возникновение таких групп биологических видов, которые благодаря приобретению принципиально новых особенностей организации дают своим индивидам резкое преимущество в борьбе за существование. Такого рода скачку он дал название морфофиологического прогресса или *ароморфоза*.

На наш взгляд, как уже говорилось, ароморфозы как раз служат примерами революций в истории органического мира. В них налицо признаки скачка-переворота, разрешения противоречий, необходимого отрицания и восхождения от низшего к высшему¹.

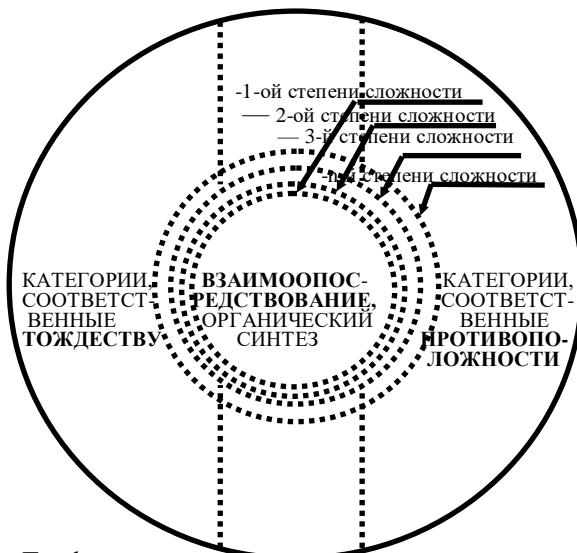
В плане развития идеи ароморфоза как биологической революции заслуживает внимания идея *ключевых ароморфозов* (Н. Иорданский), т. е. крупных преобразований организации, имеющих перспективное значение для систем в целом и открывающих новые возможности функционирования и эволюционных перестроек организации². Ключевой ароморфоз "влечет за собой цепь стремительно развивающихся преобразований, совокупность которых выводит организацию на новый, более высокий уровень, на котором открываются и новые возможности для освоения ресурсов внешней среды"³. Здесь мы отчетливо видим тесную связь революции и эволюции. Революция, обновляя действительность, создает условия для дальнейшего эволюционного процесса, т. е. для перехода действительности в возможность (появления широких перспектив, открытия все новых и новых возможностей).

Выше, сравнивая становление и развитие, мы говорили о том, что становление — это цепь переходов от низших форм развития к высшим или от развития одной степени сложности к развитию другой, более высокой степени сложности и от развития этой степени сложности к развитию еще более высокой степени сложности. Более общее представление о становлении как движении от одного уровня взаимоопосредствования, органического синтеза к другому уровню, а от этого другого к третьему и т. д. дает приводимая на следующей странице *диаграмма*.

¹ Селезnev M.A. Социальная революция. М., 1971. С. 211.

² См.: Миклин А.М., Подольский В.А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980. С. 528.

³ Иорданский Н.Н. Неравномерность темпов макроэволюции и ключевые ароморфозы. - "Природа", 1977, № 6. С. 45.

Графически становление означает расширение центрального круга, пошаговый "захват" или "освоение" "территорий", относящихся к противоположным категориальным определениям, соответственным тождеству и противоположности. В смысловом плане это означает углубление взаимоопосредствования, расширение рамок органического синтеза этих категориальных определений. В самом деле, чем выше форма живого, тем она, с одной стороны, более устойчива, более едина, целостна и т. д., а с другой, более изменчива, более многообразна, сложна и дифференцирована... Человек, будучи высшей формой жизни на Земле, достиг наибольших успехов в деле освоения пространства и времени, качества и количества материи, порядка и беспорядка, внутреннего и внешнего.

Выше мы употребили выражение *пошаговый* "захват" "территорий". Этим мы хотели сказать, что расширение центрального круга или "захват территории" не является чисто непрерывным, постепенным процессом, а включает в себя также дискретный, скачкообразный момент. Понятия эволюции и революции как раз и обозначают эти два разных момента становления. Эволюция характеризует становление как непрерывный, постепенный процесс, революция — как дискретный, скачкообразный процесс.

(Употребляя выражения *постепенность* и *скакок* по отношению к эволюции и революции, мы в известной мере огрубляем, упрощаем эти понятия. Об этом нужно помнить. Ведь на самом деле эволюция не является чисто постепенным,

непрерывным процессом, а революция — чисто скачкообразным, дискретным процессом (или, как говорят еще, перерывом постепенности). В эволюции мы можем наблюдать скачкообразные изменения, а в революции — постепенные изменения. Примером скачка в эволюции применительно к человеческому обществу является *реформа*. Эволюция и революция глубоко опосредуют друг друга и именно поэтому они не являются чисто постепенными или чисто скачкообразными изменениями. Эволюция — органический синтез постепенности и скачка при определяющей роли постепенности. Революция — органический синтез скачка и постепенности при определяющей роли скачка.)

Диаграмма позволяет также объяснить с категориально-логической точки зрения феномены *одноплоскостного развития* и феномены *ретресса, деградации, инволюции*. В случае одноплоскостного развития круг взаимоопосредствования не сужается и не расширяется. В случае ретресса, деградации, инволюции круг взаимоопосредствования *сужается, сжимается* вплоть до шагового перехода на ступень ниже, на более низкий уровень развития. С помощью диаграммы можно объяснить и феномен смерти или гибели живого организма, существа, человека. В случае смерти или гибели круг опосредствования исчезает или сужается до самого низкого уровня, соответствующего элементарным формам жизни.

Эволюция и революция в человеческом обществе

Человеческая история — *продолжение* истории живой природы и в качестве такового она не хуже и не лучше последней. Как и в истории живой природы, в ней есть место для эволюций и революций. Она — арена эволюционных и революционных процессов.

В последние два-три века в связи с известными историческими событиями, процессами понятия эволюции и революции стали предметом ожесточенных споров и дискуссий. К ним, как ни к каким другим понятиям, применим тезис Гоббса: если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они, наверное опровергались бы. Консервативно настроенные люди вообще против любых изменений: и революционных, и эволюционных. Умеренные эволюционисты за постепенные изменения-преобразования, за реформы, но против революций. Революционеры, конечно, за революционный путь преобразования общества, хотя они не отвергают и путь реформ (но только не вместо революции, а после нее). И, наконец, ультрапреволюционеры-ультрарадикалы за *перманентную, непрерывную революцию* и против эволюционных изменений-преобразований. Крайние взгляды, нужно, безусловно, отсечь как

абиотические, противоестественные, антигуманные. Умеренные взгляды с той и другой стороны заслуживают того, чтобы относиться к ним серьезно. Сторонники социальной эволюции утверждают, что для общества как большой массы, статистического ансамбля людей наиболее естественны, соразмерны медленные, постепенные изменения. Сторонники социальной революции утверждают, что общество подобно живому организму имеет устойчивую форму, организацию, которую можно изменить лишь скачком, т. е. что переход от одного способа организации общества к другому невозможен эволюционным путем. Те и другие правы по-своему. Каждый из них видит общество с одной стороны. Эволюционисты слишком большое значение придают содержанию, считают, что его изменением можно добиться всего, а форму предлагают не трогать, не изменять. Революционеры, напротив, преувеличивают значение формы (вернее, не формы, а ее изменения), считают, что от изменения формы зависит все, а содержание — этакое приложение к форме, которое автоматически меняется вслед за ее изменением. Эволюционисты "молятся" на старое, потому что оно старое. Революционеры "молятся" на новое, потому что оно новое.

Революция без эволюции — социальное потрясение, катастрофа.

Эволюция без революции — социальный застой, болото, медленная смерть.

Сторонники эволюции и революции должны осознать, что для общества в равной степени важны революция и эволюция, и договориться друг с другом. Ожесточение споров, войн белых и красных должно уйти в прошлое. Приверженцы старого пусть знают, что новое рано или поздно придет на смену старому или потеснит его; с ним лучше разбираться спокойно, по-человечески, без крови и насилия, лучше договариваться, а не драться. Сторонники нового пусть знают, что насилие над старым, торопливость, забегание вперед может обернуться поражением нового. Опыт Октябрьского переворота в России показывает также, что новое не всегда является действительно новым, т. е. поднимающим жизнь общества на более высокую ступень становления. Это "новое" может быть движением в сторону или даже движением назад (как в случае, например, с исламской "революцией" в Иране). Октябрьский переворот не был по-настоящему революцией. Ведь даже согласно Марксу революции — локомотивы истории¹. А результаты и последствия Октябрьского переворота не таковы. Коммунистическая Россия все время плелась в хвосте мирового прогресса, была фактически, за малым исключением, паразитом мирового прогресса.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 86.

Знаменитый лозунг 30-ых годов "Догоним и перегоним!" так и не был реализован. Да, Октябрьский переворот привел к серьезным изменениям в жизни России. Но были ли эти изменения восхождением от низшего к высшему? Нет, конечно.

Оказывается, *не все, что люди называют революцией, на самом деле является революцией*. Общественные потрясения и государственные перевороты сами по себе не являются революциями. Революция — такое изменение формы общества (общественного строя), которое ведет к переходу от низшего к высшему. Всякое другое употребление слова "революция" является осознанным или неосознанным искажением его смысла, политической спекуляцией или наивной демагогией.

Оценить тот или иной общественный процесс как революцию можно скорее всего лишь ретроспективно, задним числом, по прошествии определенного, достаточно длительного времени. (Выше мы говорили, что революция имеет смысл революции лишь в логической связке с эволюцией. Она должна быть подготовлена эволюцией и проверена, испытана на прочность эволюцией же.)

О ПЕРЕСТРОЙКЕ НАШЕЙ ФИЛОСОФИИ¹

Философия не может оставаться в стороне от революционных преобразований, происходящих в нашей стране. Она сама должна быть революционизирована. Тот стандарт философии, который сложился у нас в последние десятилетия и воплощен в вузовских программах, не отвечает духу времени и способен только тормозить дело перестройки. Если мы сами не перестроимся, то нас "перестроят".

Нужно прежде всего разобраться с вопросом, является ли философия наукой, отраслью научного знания, или же она — особая отрасль человеческой культуры. В нашей литературе одинаково признаны оба понимания философии: и как науки (эта линия понимания идет от известного Энгельсова определения диалектики) и как особой формы общественного сознания, существующей **наряду** с наукой, искусством и т. д. По нашему мнению, философия не является наукой, хотя и включает в себя элемент научности. Наука — это форма коллективного **познания**. Философия же — форма коллективного **мышления**. Она рефлексирует не только по поводу научных исследований, но и по поводу всех других форм коллективной деятельности (материального производства, управления обществом, искусства и т. д.). Философия — средоточие, центр всех человеческих исканий и дерзаний, всех форм человеческой деятельности.

¹ Статья была опубликована в: "Характер и способы связи философии с жизнью. (Тезисы к научной конференции)". М., 1988.

В свете сказанного следует уточнить вопрос о *законах диалектики*. С нашей точки зрения только наука может претендовать на открытие и исследование законов предметной области. В философии же “закон” — лишь одна из категорий, парная категории “явление”, и называть этим же термином некоторые философские основоположения — это логическая ошибка. Либо мы должны признать, что “закон” является высшей категорией диалектики, либо признать, что слово “закон” в случае, когда речь идет о “законе диалектики”, имеет иной смысл, чем тот, когда им обозначают одну из категорий диалектики. Во втором случае создается опасность неоднозначного употребления термина “закон”, ведущая лишь к путанице понятий и к различным перекосам в мышлении.

Одной из причин использования в марксистской философии понятия “закон” применительно к некоторым ее основным положениям служит как раз вольное или невольное проведение аналогии между философией и наукой. Оборотной стороной стремления “онаучить” философию является ожидание от нее каких-то конкретных научных результатов, готовых ответов на поставленные жизнью вопросы. Поскольку это ожидание не оправдывается, наступает разочарование философией.

Хотелось бы обратить внимание еще вот на какую сторону вопроса о законах диалектики. Наш мир — это вероятностный мир, и случайность играет в нем не меньшую роль, чем необходимость, закономерность. Выражение “законы диалектики”, хотим мы этого или нет, акцентирует внимание на познании закономерности, упорядоченности реального мира и оставляет в тени другую, прямо противоположную его сторону: неупорядоченность, многообразие явлений, стохастику. А это создает известный перекос в сторону механистического, лапласовского детерминизма, абсолютизирующего необходимость, закономерность, упорядоченность. Перекос в философском мышлении приводит к перекосу и в любом другом мышлении: политическом, экономическом, управлении... Разве не этим объясняется, что на протяжении десятилетий в нашей стране создавался культ плана, культ приказных, административных методов управления и недооценивалось значение стохастических механизмов, в частности, рынка, системы выборов? У нас преимущественно говорили о сознательности, организованности, планомерности и боролись со стихийностью. А ведь стихийность в определенной мере так же важна, как и планомерность, организованность. Человеческое общество — живая система, и ему нужен не твердый порядок, предполагающий систему жесткой детерминации поведения людей, а живой порядок-беспорядок, учитывающий в равной степени необходимость и случайность, единство и многообразие, общее и частное.

Здесь возникает вопрос: как понимать диалектический детерминизм? Обычно с детерминизмом связывают концепцию, признающую объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений. Между тем такое понимание детерминизма не позволяет проводить различие между лапласовским и диалектическим детерминизмом. Детерминизм нельзя связывать только с тремя категориями: необходимостью, закономерностью, причинностью. Кто так делает, тот неизбежно скатывается на позиции лапласовского детерминизма, т. е. отрицания или, в лучшем случае, полупризнания объективного существования случайности, беспорядка.

Категории мышления суть отражения объективных категориальных определений мира. Определения мира и есть объективные детерминации. Таким образом, в самом глубоком смысле диалектический детерминизм означает признание детерминации всего существующего и происходящего объективной системой категориальных определений мира, форм бытия мира.

Нежизненность концепции законов диалектики особенно видна на примере закона отрицания отрицания. Концепция этого закона навязывает нам жестко однозначную (почти в духе лапласовского детерминизма) схему направления развития, становления. Она, по-существу, исключает элемент случайности в возникновении нового, многовариантность путей развития, становления. Концепция закона отрицания отрицания уязвима еще вот в каком отношении. Этот закон определяется обычно как закон, характеризующий направление процесса развития, единство возникновения нового и относительной повторяемости некоторых моментов старого (см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 471). Между тем, если вдуматься, закон отрицания отрицания не может характеризовать направление развития в полной мере. В самом деле, во всяком развитии (становлении) важнейшим моментом является переход от старого к новому, т. е. конструктивное движение от одного положительного содержания к другому. В законе же отрицания отрицания акцент делается на отрицании, пусть это будет даже второе отрицание, отрицающее первое. Да, действительно, новое отрицает старое. Но это лишь момент отношения нового к старому. В новом есть другое положительное содержание, которого нет (никогда не было!) в старом, и понятием отрицания это содержание отнюдь не выявляется в полной мере. Из отрицания старого отнюдь не следует утверждение нового, иначе правы были бы анархисты и всякие отрицатели-нигилисты. Отрицание всегда остается отрицанием, как бы его ни называли: снятием, диалектическим отрицанием, вторым отрицанием. (В гегелевской философии отрицание имело смысл положительного понятия, так как для этой философии характерна

закольцованность представлений — абсолютный, мировой дух в конечном счете возвращается к себе). В понятии отрицания, если оценивать его реалистически, на первый план всегда выступает **отрицательное** содержание. Иначе это понятие обозначалось бы другим словом. Конечно, между отрицанием как разрушением-уничтожением и отрицанием как моментом развития есть разница. Но это не дает нам права считать диалектическое отрицание таким моментом, который *делает* развитие развитием, а становление — становлением. “Закон” отрицания отрицания отражает лишь факт отрицания и преемственности между новым и старым. В полной мере взаимоотношения старого и нового характеризуются категориями развития и становления. Никаких искусственных подпорок, хотя бы в виде “закона отрицания отрицания”, не требуется для объяснения смысла указанных категорий. Уж если говорить о раскрытии содержания категорий “развитие” и “становление”, то следует сказать, что это содержание раскрывается в целой системе категорий и понятий¹.

Итак, на некоторых примерах мы показали необходимость перестройки нашей философии, необходимость приближения ее к жизни...

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО²

В сознании многих мыслящих людей концепция перехода количества в качество приобрела прочность предрассудка. Этому способствовали Маркс, Энгельс и их многочисленные последователи. Между тем данная концепция не более, чем философский миф. Попробуем показать это. Если понимать взаимопереход качества и количества в самом широком смысле — как их взаимообусловленность и взаимопроникновение, то с этим можно было бы согласиться. Дело, однако, в том, что взаимопереход понимался в марксистской философии по сути как *односторонний* переход одного в другое: количества в качестве (количественных изменений в качественные) *или* качества в количества (качественных изменений в количественные), причем преобладающим является представление о первом переходе (закон перехода количества в качество и обратно чаще всего называют законом перехода количественных изменений в качественные — см.: “Философский энциклопедический словарь”, М., 1983; Философский словарь, М., 1986). Такой

¹ Критика концепции закона перехода количества в качество дается ниже, в отдельном разделе.

² Фрагмент книги: Л.Е. Балашов. Категориальная картина мира. (Основы категориальной логики).

подход к пониманию взаимоперехода качества и количества обусловлен помимо всего прочего тем, что в практике слово "переход" чаще всего употребляется не в расширенном смысле, а в своих конкретных значениях, как переход от одного к другому (одного в другое) в пространственно-временном и/или материально-вещественном смысле. (см.: Ожегов С.И. Словарь русского языка, М., 1991). Переход в этом случае понимается так, что "одно" остается на своем "месте", а "другое" — на своем (одно и другое разделены в пространственно-временном или материально-вещественном смысле). Если такое понимание перехода перенести на взаимоотношения качества и количества, то эти категории автоматически превращаются в застывшие, противостоящие друг другу противоположные стороны, разделенные в пространстве-времени. Картина получается в итоге обратной той, которую хотели бы видеть диалектически мыслящие философы. Выражение "переход количества в качество" навевает мысли, и в самом деле весьма далекие от диалектики. Его можно интерпретировать так, что сначала было количество без качества (чистое или качественно не определенное количество), а затем появилось качество без количества (чистое или количественно не определенное качество).

Кстати, такое понимание качества и количества в очень большой степени было свойственно Гегелю: две трети его учения о бытии (разделы о качестве и количестве) посвящены анализу чистого качества безотносительно к количеству и чистого количества безотносительно к качеству. Справедливости ради следует отметить, что Гегель указывал на необходимость двойного перехода (количества в качество и качества в количестве). Он писал:

"Для того чтобы была положена целокупность, требуется *двойной* переход, не только переход одной определенности в свою другую, но и переход этой другой, возвращение ее в первую. Благодаря первому переходу тождество этих двух определенностей имеется только в *себе*; качество содержится в количестве, которое, однако, тем самым есть пока еще односторонняя определенность. Что последняя, наоборот, точно так же содержится в первой, что она точно так же дана лишь как снятая, это видно из второго перехода — из ее возвращения в первую. Это замечание о необходимости *двойного* перехода очень важно для всего научного метода"¹.

К сожалению это важное замечание осталось у Гегеля лишь пожеланием, декларацией. Преобладающее внимание он уделял переходу количества в качество, точнее количественных изменений в качественные². А где преобладание, там

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С . 414-415.

² О переходе качества в количества он упоминает лишь на стр. 224, 247, 414, 415 цитированного выше тома "Науки логики", причем это

односторонность: двойного перехода по-настоящему не получается, раз говорят в основном об *одном* переходе.

Сами выражения "переход количества и качество и качества в количество" заимствованы К. Марксом и Ф. Энгельсом у Гегеля. Соответственно отрицательные стороны гегелевского учения об этих переходах почти один и одному перешли в марксистскую философию. Правда, Ф. Энгельс, который преимущественно и говорил о законе перехода количества в качество и обратно, дал в ряде случаев образцы диалектического толкования соотношения качества и количества. Так, в фрагменте "Диалектика" он резюмирует: "Следовательно, количество и качество соответствуют здесь друг другу взаимно и обоюдосторонне"¹. В другом месте он пишет: "Всякое изменение она /"механическая" концепция/ объясняет перемещением, все качественные различия — количественными, не замечая, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количества, как и количества в качество, что здесь имеет место взаимодействие"². И все же преобладающим для Энгельса было представление об одностороннем переходе количества в качество и, соответственно, односторонней зависимости качества от количества — см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20. С. 385-387, 389, 528, 567. В указанных местах Энгельс истолковывал связь качества и количества, по существу, как причинно-следственную: количественное изменение *вызывает, обуславливает* качественное изменение, *изменяет* качество; качество *обусловлено* количеством; качественное изменение *происходит под влиянием, в результате* количественного изменения, есть *следствие* количественного изменения; все качественные различия *основываются* на различных количествах. Все эти выражения указывают на то, что Энгельс, во-первых, путал качественно-количественные отношения с причинно-следственными³ и, во-вторых, испытывал сильное влияние современных ему механистических, редукционистских представлений, абсолютизирующих количественную сторону предметов.

Ведь что получается? Количество — причина, нечто обуславливающее, а качество — следствие, нечто обусловленное. Здесь мы видим вторжение причинных представлений в

абстрактные рассуждения, не подкрепляемые примерами. О переходе же количества в качество он упоминает на стр. 414, 415, 427, 464-469 указанного тома. Рассуждения Гегеля о переходе количества в качество являются гораздо более конкретными, развернутыми и подкрепляются многими примерами.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, М., 1961. С. 385.

² Там же. С. 568.

³ Здесь Ф. Энгельс не был оригинален. Гегель не избежал искушения трактовать подобным образом количественно-качественные отношения.

отношения качества и количества. Вот к чему в конце концов приводит концепция перехода количества в качество. Интерпретация количественно-качественного отношения как причинно-следственного есть самое заурядное смешение различных категориальных форм и отношений. Количественные изменения ни при каких условиях не вызывают качественных. *Они сами нуждаются в причинном объяснении.*

Поскольку отношения качества и количества взаимны, постольку всякое количественное изменение необходимо сопровождается качественным, а всякое качественное изменение — количественным. Не может быть такого положения, чтобы количественное изменение совершилось в *чистом* виде, а качество при этом оставалось не при чем. (И Гегель, и Маркс, и Энгельс неоднократно говорили о чисто количественных изменениях. Это, конечно, непоследовательность. Они же сами все время подчеркивали неразрывность качества и количества. А в этом представлении о чисто количественном изменении, которое якобы совершается независимо от качественных изменений, они допустили просчет). Если мы считаем, что реальные качество и количество как *стороны* предмета *неотделимы* друг от друга, то почему этот же взгляд мы не распространяем на качественные и количественные *изменения*, почему мы не рассматриваем их как неотделимые друг от друга стороны единого реального процесса изменения. Почему мы разделяем их во времени и одно считаем причиной, а другое следствием? Разве это отвечает действительной диалектике качества и количества? Почему мы к единой качественно-количественной определенности предмета применяем одну мерку (не допускаем и мысли о возможности существования чистой количественной определенности до и независимо от качественной определенности), а к количественным и качественным изменениям другую мерку? Разве это логично? Итак, как нет чисто количественной или чисто качественной определенности, так нет и чисто количественных или чисто качественных изменений. *Реальные изменения всегда во всех пунктах являются качественно-количественными. Правильнее, точнее говорить не о количественных и качественных изменениях а об одном изменении, имеющем количественную и качественную составляющие.* В процессе исторического развития языка люди дали этим составляющим отдельные имена, названия (для количественной составляющей — "увеличение", "уменьшение", "рост" и т. д. ; для качественной составляющей — "превращение", "переворот" и т. д.) и тем самым разделили их, абстрагировали друг от друга. После того, как они сделали это, им стало казаться, что составляющие и реально, на самом деле отделены друг от друга, т. е. являются не составляющими единого процесса изменения, а разными видами изменения. Так,

кстати, трактовал их Аристотель. Гегель не только поддержал аристотелевскую версию о количественном и качественном изменениях как видах изменения, но и пошел дальше — возвел между ними... китайскую стену в виде *перехода* чисто количественных изменений в чисто качественные. Какая, в сущности, насмешка над диалектикой, какая ирония судьбы! Гегель, по-видимому, хотел сделать как лучше, т. е. соединить количественные и качественные изменения, а на поверку вышло наоборот: разрыл еще большую пропасть между ними, допустив существование чисто количественных изменений.

Покажем теперь на примере изменений, которые принято считать чисто количественными, что реальные изменения всегда, во всех пунктах и на всех этапах являются качественно-количественными. Возьмем, например, рост растения. Это — количественное увеличение массы и размеров растения. Могут спросить: где же тут качественные изменения? Да, конечно, если мы смотрим на что-то одно, то и видим только это одно. Мы смотрим на рост растения и видим только его. А теперь подумаем, только ли рост здесь совершается или еще что-то происходит? Если хорошенько подумать и посмотреть, то увидим много других изменений, происходящих вместе и одновременно с ростом. Вместе с ростом растение *развивается*. А это сложный качественный процесс. Далее, растущее растение нуждается в *питании*. А что это такое? Когда растение включает в свое тело питательные вещества, то происходит качественный процесс преобразования одного (питательных веществ) в другое (тело растения). Таким образом, рост растения необходимо сопровождается превращением веществ, т. е. качественным изменением. Аналогичную картину, только гораздо более простую, можно наблюдать при *росте кристалла*.

Возьмем знаменитый пример с нагреванием воды. Когда вода нагревается от 0°C до 100°C, то мы как будто видим только количественное изменение — повышение температуры воды. Так, в частности, полагал Гегель. Нагревание (охлаждение) воды в указанных температурных пределах он рассматривал как чисто количественное изменение. Наверное, во времена Гегеля иначе и представить было нельзя. Никаких данных о качественных превращениях, связанных с повышением температуры воды, тогда не было. Теперь мы знаем, что повышение температуры воды при ее нагревании — лишь одна сторона процесса. Другой стороной является то, что при нагревании происходят незаметные для органов чувств качественные изменения воды: ее молекулы поглощают тепловые фотоны и переходят в возбужденное состояние, которое в свою очередь приводит к испусканию, излучению фотонов. Нагревание неразрывно связано с поглощением и испусканием фотонов. А это качественный процесс. Таким образом, нагревание является стороной единого

количественно-качественного изменения воды. Расхожим является также представление о *чисто* качественном изменении воды при кипении, когда ее температура остается неизменной. Да, температура воды при переходе ее в газообразное состояние не повышается. Но это не значит, что количественное изменение воды переходит в качественное (как бы заменяется на качественное). Просто при температуре выше 100°C и обычном атмосферном давлении вода как жидкость не существует. Иному качественному состоянию воды соответствует иное количество. Сам переход воды из жидкого в газообразное состояние сопровождается такими количественными изменениями, как уменьшение объема воды-жидкости и ее дискретирование (превращение непрерывной массы в множество отдельных молекул, образующих пар-газ).

Гегелевская картина перехода количественных изменений в качественные есть весьма грубая и упрощенная картина реальных процессов и она так же обманчива как кинокартина (нам кажется, что люди движутся на экране, а на самом деле перед нами мелькают кадры киноленты с такой скоростью, что наш глаз не замечает их отдельности). Знаменитый гегелевский переход количественных изменений в качественные на поверхку оказывается... голым королем.

Чтобы внести полную ясность в этот вопрос, рассмотрим, *какие* количественные и *какие* качественные изменения имеют в виду, когда говорят о *переходе* количественных изменений в качественные. По нашему мнению, при этом сопоставляются несопоставимые вещи: незначительные количественные изменения и значительные качественные изменения. На самом же деле сопоставлять нужно соответственные изменения: незначительные количественные изменения с незначительными качественными и значительные количественные изменения с значительными качественными; тогда не будет никакого перехода количественных изменений в качественные, будет просто переход одних количественно-качественных изменений в другие. Не случайно многие авторы, говоря о переходе количественных изменений в качественные, как бы невзначай употребляют при этом двойное выражение ("коренные качественные изменения"), подчеркивающее значительность качественных изменений и — методом от противного — незначительность количественных изменений. В итоге сопоставляются незначительные количественные изменения и значительные (под именем "коренных") качественные изменения. Мало кто, однако, задумывался над тем, что и количественные изменения могут быть значительными (а также быстрыми, внезапными), а качественные изменения могут быть незначительными, незаметными, постепенными. Пример незначительного качественного изменения: излучение одного

фотона при нагревании воды. Другой пример: появление незначительной царапины на полированной крышке стола (из-за этой царапины покупатель может отказаться от покупки стола).

А теперь — о значительных количественных изменениях. Опять же возьмем для примера нагревание воды. Допустим, ее температура равна 50°C (давление на воду — одна атмосфера). Если нагреть воду всего на один градус, то такое количественное изменение не будет сопровождаться изменением агрегатного состояния. Это вполне естественно: данное количественное изменение является незначительным, а изменение агрегатного состояния воды — значительное событие в ее "жизни". Ну а если нагреть воду сразу, скажем, на 100°C? Это уже значительное количественное изменение. И что произойдет? А произойдет то, что мы и предполагали: одновременное значительное качественное преобразование воды — переход в газообразное состояние.

Масштабы количественных изменений соответственны масштабам качественных и, наоборот, масштабы качественных изменений соответственны масштабам количественных. Мера как раз и устанавливает взаимозависимость масштабов качества и количества, качественных и количественных изменений. Значительные качественные изменения невозможны, если их не сопровождают значительные количественные изменения. Незначительные количественные изменения могут сопровождаться только незначительными качественными изменениями. Могут сказать, что выражения "значительный" и "незначительный" является количественными и неприменимы к качественным определениям. С этим нельзя согласиться. Качество не отделено китайской стеной от количества: в нем самом присутствует элемент количества. Мы говорим, например, об иерархии качественных уровней, о более общем и менее общем качествах. Когда мы говорим об изменении качества, то это может быть и изменение рода, и изменение вида, и изменение разновидности. Изменение разновидности (минимально общего качества) является незначительным качественным изменением по сравнению с изменением вида, а изменение вида, в свою очередь, является незначительным качественным изменением по сравнению с изменением рода и т. д. Значительные и незначительные качественные изменения соответственны родо-видовой иерархии качественных уровней материи.

В марксистской философии имело широкое хождение еще одно неправильное представление, идущее от Гегеля. Это представление о постепенности количественных изменений и скачкообразности качественных изменений.

Вот что писал Гегель: "Поскольку движение от одного качества к другому совершается в постоянной непрерывности количества, постольку отношения, приближающиеся к некоторой окачествующей

точке, рассматриваемые количественно, различаются лишь как "большее" или "меньшее". Изменение с этой стороны *постепенное*. Но постепенность касается только внешней стороны изменения, а не качественной его стороны; предшествующее количественное отношение, бесконечно близкое к последующему, все еще есть другое качественное существование. Поэтому с качественной стороны абсолютно прерывается чисто количественное постепенное движение вперед, не составляющее границы в себе самом; так как появляющееся новое качество по своему чисто количественному соотношению есть по сравнению с исчезающим неопределенно другое, безразличное качество, то переход есть *скачок*; оба качества положены как совершенно внешние друг другу.

Обычно стремятся сделать изменение понятным, объясняя его постепенностью перехода; но постепенность есть скорее как раз исключительно только безразличное изменение, противоположность качественному изменению¹.

Гегель здесь как будто совершенно забыл, что количество раньше рассматривалось им как единство непрерывного и дискретного. В цитированном фрагменте количество рассматривается только как непрерывное. Отсюда все натяжки. Количественное изменение нельзя рассматривать только как непрерывное, постепенное, а качественное изменение — только как скачкообразное. Всякое непрерывное количественное изменение имеет свой предел, за которым оно *дискретируется*, т. е. переходит в фазу прерывного количественного изменения (деления, размножения и т. п.). Выше мы приводили пример с водой. При 100°C вода не только меняет свое качественное бытие, переходит из жидкого в газообразное состояние; она меняет и свое количественное бытие: сплошная непрерывная масса превращается в множество отдельных, не связанных друг с другом молекул.

Теперь о *постепенности* и *скакче*. Количественное изменение может быть как постепенным, так и скачкообразным, как медленным, так и быстрым. Выветривание скалы — это постепенное уменьшение ее размеров. Если же взорвать часть скалы, то это будет скачкообразное уменьшение ее размеров. Так же и качественное изменение может быть не только скачкообразным, быстрым, но и постепенным, медленным. Пример: лысый человек. Когда в молодости мужчина имел шевелюру — это одно качественное состояние, а когда он ее утратил в результате разных причин, то это другое качественное состояние. Переход от волосатости к лысости может быть как постепенным (в течение всей взрослой жизни), так и скачкообразным (в результате заболевания).

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1, М., 1970. С. 464.

МАТЕРИАЛЫ К 2-МУ ИЗДАНИЮ КНИГИ

Чудовищный утопизм Ленина¹

Ленин принадлежит к числу людей, которых называют “благородными” разбойниками, такими как Робин Гуд, Степан Разин, Емельян Пугачев. Ленин не по злому умыслу погубил много людей, подверг остракизму и устроил террор против части общества. Он совершенно искренне хотел счастья людям и не просто хотел, а был одержим этой идеей осчастливления. Преувеличеннное стремление к чему-то одному обычно приводит к обратному результату. Вспомним лозунг, висевший в 1920-е годы в Соловецком лагере особого назначения: “Железной рукой загоним человечество к счастию”. Эти слова принадлежат Л.Д. Троцкому, ближайшему сподвижнику Ленина. В них — циничная суть “благородного” разбойничества.

Совершенно справедливо отмечает А.Г. Латышев: “В отличие от некоторых критиков Ленина, считающих сегодня, что главной целью деятельности Ленина был захват и удержание власти, уверовал, что стремлением всей его жизни было — осчастливить часть населения планеты (рабочих, бедных крестьян), уничтожив для этой цели другую часть (“богачей”, священнослужителей, свободомыслящую интеллигенцию и т.д.). А подобный “стратакид” ничем не лучше нацистского геноцида.” (См.: А.Г. Латышев. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 9).

Коллективизм — индивидуализм

Вполне в соответствии со своей доктриной уничтожения частной собственности коммунисты абсолютизируют *коллективистское* начало человеческой природы. Кто знаком с дедуктивной логикой, тот знает, что эта абсолютизация фактически ведет к отрицанию человечности, к антигуманизму. Ведь человеческая природа и генетически, и поведенчески *многообразна*. Она представляет собой статистический разброс коллективистских, индивидуалистических и смешанных типов. Делая упор на коллективизме, коммунисты этим вольно или невольно *шельмуют, подвергают остракизму* большую часть человеческого сообщества (индивидуалистические и смешанные типы). Практика коммунистического строительства в XX столетии наглядно это показала.

Длительное время спор между коллективизмом и индивидуализмом в нашей стране однозначно решался в пользу первого. Считалось, что коллективизм совместим с гуманизмом, а индивидуализм нет. Однако, как мне представляется, с точки

¹ Этот материал написан в 1999 г.

зрения подлинного, недекларируемого гуманизма коллективизм также неприемлем в качестве всеобщей нормы поведения людей, как и индивидуализм. Возведенный во всеобщую норму коллективизм разрушает в человеке личность, индивидуальность, навязывает ему конформистское поведение (овцы в стаде), превращает его в винтик общественного механизма. Ч. Айтматов, советский писатель перестроенной поры, вынужден был констатировать: “Все время думаю о парадоксе: созидая социализм, отдавая предпочтение всему, что идет от коллектива, от коллективизма, мы много утратили из того, что касается индивидуальности, личности, если можно так выразиться, самости, человека. Надо исходить из того, что если есть сам, то все остальное есть мир. Как оказывается сегодня эта утрата! На многом, во многом. На качестве труда, На отношениях человека к человеку. На оценке его творческой потенции. Ценность самой личности у нас не выверена, не определена... И мы игнорируем эти проблемы... Хватит догматов, заранее представленных формул. Много их уже было, догматов и формул, тормозящих движение вперед, и мы должны уйти от нивелирования, обезличивания, стандарта. Всеобщая стандартизация во имя коллектива убийственна”. (1987 г.)

Мы не против коллективизма вообще, а против его возведения во всеобщую норму поведения, против однозначной интерпретации человеческой морали как коллективистской.

Если говорить о коллективизме как *одной из* форм поведения, то, безусловно, он может иметь положительное нравственное значение. Еще Сенека дал хороший образ коллективизма. Он писал: “Запомним: мы родились, чтобы жить вместе. И сообщество наше подобно своду, который потому и держится, что камни не дают друг другу упасть¹. Древнеиндийская мудрость гласит: “Травинки, сплетенные в канат, могут слона связать”. Еще одна мудрость, идущая из глубины веков: “Веника не сломишь, а прутья по одному все переломишь”. Уже в наше время Булат Окуджава сочинил песню, которая начинается словами: “Возьмемся за руки друзья, чтобы не пропасть поодиночке”. Эта песня стала знаменитой, а приведенные слова — знаменем сопротивления тоталитарному режиму. Нельзя отрицать, что коллективизм может умножать силы людей и помогать в решении задач, которые не в силах решить отдельные, не связанные друг с другом люди.

Зададимся, однако, вопросом: всегда ли, во всех случаях коллективизм хорош? При внимательном и непредвзятом рассмотрении этого вопроса оказывается, что коллективизм не всегда хорош, а в ряде случаев вреден и даже губителен.

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, ХСV.

Всегда ли цели той или иной группы людей согласуются с интересами отдельных людей и/или всего человеческого общества? Нет, не всегда. Назовем к примеру такие негативные явления, как групповщина, кампанийщина, кумовство, местничество, ведомственность, национализм, шовинизм, расизм. А круговая порука? В свое время она была бичом крестьянских общин. Круговая порука — это в сущности другое название, так сказать, негативный слепок колLECTИВИСТСКОГО принципа “один за всех и все за одного”. Да, будем откровенны: столь уважаемый и почитаемый колLECTИВИСТСКИЙ принцип отнюдь не всегда служит нравственным целям. И не только взятый в целом, но и по частям.

Возьмем первую часть принципа. Существует немало ситуаций, когда лучше не “один за всех”, а “один против всех”. Например, если ученый сделал открытие, установил истину, то он вправе выступать в защиту своего открытия, истины, даже если ему приходится идти против “всех”, большинства, многих... Вспомним Коперника и Галилея, выступивших против всеобщего заблуждения. Не случайно говорят, что истины не устанавливаются голосованием. Вообще вопрос о голосовании, о подчинении меньшинства большинству очень непрост. Мы знаем, например, что в отдельных случаях применяется право вето, когда один может заблокировать решение многих. А интересы национальных меньшинств? Далеко не всегда они соответствуют интересам большинства.

Если возьмем вторую часть колLECTИВИСТСКОГО принципа — “все за одного”, — то его, мягко говоря, невсеобщность видна невооруженным глазом. Отрицательные примеры? Пожалуйста: кровная или родовая месть, кульТУРОВОДИТЕЛЯ-ВОЖДЯ.

Гримасы колLECTИВИЗМА:
Что мне, больше всех надо?!
Выскочка
Белая ворона
Один в поле не воин
Не высовывайся (закон суслика)
Живи как все
Круговая порука

Нам не нужно единства во чтобы то ни стало, любой ценой. Когда говорят о положительном значении единства, то нередко вспоминают притчу о старике-отце и венике или принцип властителей “разделяй и властвуй”. При этом забывают, что единство любой ценой так же плохо, как и отсутствие единства. Недаром стало популярным такое выражение: “удушение посредством объятий”.

Коллективизм может быть так же разрушителен, как строевой шаг солдат, идущих по непрочному мосту.

Когда индивидуализм распространен так же, как и коллективизм, всеобщее оболванивание невозможно. Невозможны культ вождя, деспотизм, массовый террор и репрессии.

Индивидуалистов можно сравнить с графитовыми стержнями в атомном реакторе. Наличие определенного количества и качества графитовых стержней в массе ядерного вещества не дает возможности цепной реакции распада перейти в неуправляемую фазу ядерного взрыва. Если индивидуалистов мало, то коллективистски настроенные люди могут погубить сами себя и общество, в котором они живут. Коллективисты склонны к единству действий настолько, что они готовы (как стадо овец) увлечь себя каким-нибудь политическим безумцем в пропасть самоуничтожения или тупикового пути развития. Индивидуалисты при любой политической ситуации не дают себя увлечь теми или иными лидерами. Их настроения и интересы разновекторны и поэтому общество, в котором они занимают такие же сильные позиции, как и коллективисты, эволюционирует не так быстро, но зато с оглядкой и осмотрительно. Разновекторные устремления индивидуалистов не позволяют обществу стать монолитом, который мог бы сорваться подобно камню в пропасть.

Одно дело — коллективизм как естественное стремление людей к объединению, как добровольное их объединение для умножения сил.

Другое дело — коллективизм как принцип официальной морали, как всеобщий принцип поведения людей. В этом случае коллективизм теряет естественность, добровольность и приобретает характер императива, принудительной нормы-меры, “удушения посредством объятий”.

Равенство—неравенство

Гиперколлективизм тяготеет к равенству. Поэтому лозунг равенства был и остается в активе коммунистической пропаганды. Хотя Маркс и Энгельс выступали против грубоуравнительного коммунизма (см. выше раздел “К. Маркс и Ф. Энгельс о казарменном коммунизме и современность”), на практике их последователи сплошь и рядом сбивались на эту грубую уравнительность.

Выше мы говорили о том, что гиперколлективизм устанавливает “закон суслика” (“не высовывайся”).

Ф.И. Шаляпин в своих воспоминаниях “Маска и душа” приводит такие слова большевика-эстонца Рахы: “Ни у какого человека не должно быть таланта. Талант нарушает равенство”.

Марксистский холизм и организм¹

Очень важно, с одной стороны, сознавать универсально-всеобщее значение категорий целого и части, а, с другой, их недостаточность при характеристике живого, сложноорганизованных образований. Еще Гегель подметил, что эти категории в полную силу “действуют” лишь в неорганической природе, а в живой природе они могут функционировать лишь в снятом виде, как подчиненные моменты более сложных или, как он выражается, “более глубоких” категориальных отношений.

“Отношение целого и частей, — писал он, — как непосредственное отношение есть нечто очень понятное рефлектирующему рассудку, и он поэтому часто удовлетворяется им даже там, где на самом деле имеют место более глубокие отношения. Так, например, члены и органы живого тела должны рассматриваться не только как его части, так как они есть то, что они есть, лишь в их единстве и отнюдь не относятся безразлично к последнему. Простыми частями становятся эти члены и органы лишь под рукой анатома, но он тогда имеет дело уже не с живыми телами, а с трупами. Этим мы не хотим сказать, что такое разложение не должно вообще иметь места, но что внешнего и механического отношения целого и частей недостаточно, для того чтобы познать органическую жизнь в ее истине. И если так обстоит дело с органической жизнью, то в гораздо большей мере это верно в случае применения этого отношения к духу и образованиям духовного мира. Хотя в психологии не говорят явно о частях души или духа, но все-таки в основании чисто рассудочного рассмотрения этой дисциплины также лежит представление об этом конечном отношении постольку, поскольку различные формы духовной деятельности, так называемые особенные силы и способности, перечисляются и описываются друг за другом только в их изолированности”².

Ф. Энгельс, имея в виду это высказывание Гегеля, справедливо отмечал в “Диалектике природы”: “Например, уже часть и целое — это такие категории, которые становятся недостаточными в органической природе. Выталкивание семени — зародыш — и родившееся животное нельзя рассматривать как “часть”, отделяющуюся от “целого”: это дало бы ложное толкование. Части лишь у трупа” (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 538). К сожалению, в социально-политической области К. Маркс и его последователи, прежде всего В.И. Ленин, большевики, сплошь и рядом игнорировали это категориальное различие между целым и частью, с одной стороны, и

¹ Этот фрагмент взят из неизданной пока книги “Новая метафизика. (Категориальная картина мира или Основы категориальной логики”.

² Гегель. Энцикл. филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 301-302. (§ 135).

органическими понятиями, с другой. Более того, Маркс и Ленин, представляя отношение общества и человека как отношение целого и части, явным образом абсолютизировали общество как целое, занимая в сущности холистскую позицию в данном вопросе. Вот некоторые высказывания Маркса:

“Гегель... забывает, что сущность “особой личности” составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество, и что государственные функции и т. д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Понятно, следовательно, что индивиды, поскольку они являются носителями государственных функций и властей, должны рассматриваться по своему социальному, а не по своему частному качеству”. — Т. 1. С. 242.

“отдельный человек слаб, но мы знаем также, что целое — это сила”. — Т. 1. С. 70.

“Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития”. — Т. 46. Ч. 1. С. 229.

“... отдельная личность сливается с жизнью целого, а целое находит отражение в сознании каждой отдельной личности”. — Т. 1. С. 103.

Для В.И. Ленина весьма характерно такое высказывание: “Часть должна сообразоваться с целым, а не наоборот”¹. Независимо от того, что он имел в виду конкретно, это высказывание является выражением определенного умонастроения. В соответствии с этим умонастроением В.В. Маяковский, например, патетически воскликнул:

Единица!
Кому она нужна?!

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 15. С. 362. Это высказывание В.И. Ленина удивительным образом перекликается с известным высказыванием И.С.Тургенева, вложенным в уста одного из героев романа “Рудин”: “Мы без России не можем обойтись, а Россия без нас может”. Здесь высказано уничтожительное мнение об отдельном человеке и преувеличенно высокое мнение о стране, в которой этот человек живет. Но может ли та же Россия обойтись без Пушкина и Менделеева, Чайковского и Репина? Умонастроение односторонней подчиненности отдельного человека надличному целому: обществу ли, государству ли, родине ли, коллективу ли — к сожалению, было весьма распространенным в прошлом. До сих пор это умонастроение разделяется определенной частью общества: коммунистами, националистами, церковниками-клерикалами, государственниками.

Ср. с таким высказыванием В.С. Соловьева: “Естественная, органическая связь всех существ, как частей одного целого, есть данное опыта, а не умозрительная идея только”. — Соловьев В.С. Соч. Т. 1, М., 1990. С. 160.

Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если
в партию
сгрудились малые —
сдайся, враг,
замри
и ляг!
Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.
Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.

(Поэма “Владимир Ильич Ленин”)

В соответствии с этим же умонастроением В.И. Ленин и последующие коммунистические лидеры представляли устройство общества на манер устройства машины-механизма, вполне в духе *механистического тоталитаризма*¹.

Так в программном произведении “Очередные задачи

¹ Механистический тоталитаризм — это представление общества как некой машины, механизма. Человек в таком обществе находится в системе жестко-детерминированных, однозначных связей и рассматривается, по существу, как винтик общественного механизма.

Советской власти” (март 1918 г.) В.И. Ленин прямо сравнивал народное хозяйство с часовым механизмом. Он писал: “Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи” (с. 105).

На протяжении десятилетий это произведение Ленина изучали студенты вузов и техникумов, миллионы и миллионы людей, практически все представители умственного труда — управленческая, научная, инженерно-техническая, художественная интеллигенция.

Соответственно многие руководители, ученые и деятели культуры были заражены идеологией механистического тоталитаризма, когда человек рассматривался в системе жестко-дeterminированных, однозначных связей, по существу, как винтик общественного механизма.

В управлении страной — засилье инженерно-технических кадров, которое не преодолено до сих пор.

Фразеология руководителей всех уровней была насыщена механицизмами — словами и оборотами из языка механиков. Профсоюзы и комсомол (молодежная организация) рассматривались вполне официально как *приводные ремни* партии. Эта фразеология проникла и в песни. В авиационном марше “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью” были такие слова: “а вместо сердца — пламенный мотор!”. Stalin в своей знаменитой речи на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы не постеснялся назвать простых людей “винтиками”, “которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела”. Само имя “Сталин” весьма символично. В нем **стальной** смысл. Не случайно человек с этим именем стал преемником Ленина и правил страной 30 лет.

Весь общественный строй, особенно при Ленине и Сталине, носил полувоенный характер. А мы знаем, что военная организация в значительной мере машиноподобна.

Самое интересное, отдельные представители советской философской элиты прекрасно сознавали эту связь между абсолютизацией целого и практическим тоталитаризмом. В пятом томе “Философской энциклопедии” (1970 г.) И.В. Блауберг

писал: “односторонняя трактовка тезиса о приоритете целого над частями сопряжена обычно с элементами мистицизма, а в сфере социально-политических теорий ведет к обоснованию тоталитаризма, к обесцениванию личности”¹.

О различии между организмом и сообществом

Разные философы, ученые и политики, увлекаясь организмическим подходом, нередко представляли те или иные сообщества организмами. Отсюда во многом их антидемократические, националистические, этатистские и тоталитаристские убеждения.

К сожалению, традиция изображать человеческое общество как организм весьма древняя. Ей отдали дань такие философские авторитеты как Платон и Аристотель. С Платоном всё ясно, но Аристотель?! С одной стороны, он критиковал Платона за абсолютизацию государственного единства, а, с другой, недалеко ушел от последнего в своем представлении соотношения государства и человека.

Вот что писал он по поводу государственного единства:

“Я имею в виду мысль Сократа: лучше всего для всякого государства, чтобы оно по мере возможности представляло собой единство; эту именно предпосылку Сократ ставит в основу своего положения.

Ясно, что государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется некоторым множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи — отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек — нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство. Далее, в состав государства не только входят отдельные многочисленные люди, но они еще и различаются между собой по своим качествам, ведь элементы, образующие государство, не могут быть одинаковы...

Можно и другим способом доказать, что стремление доказать, что стремление сделать государство чрезмерно единым не является чем-то лучшим: семья — нечто более самодовлеющие (существующее само по себе — Л.Б.), нежели отдельный человек, государство — нежели семья, а осуществляется государство в том случае, когда множество, объединенное государством в одно целое, будет самодовлеющим. И если более самодовлеющее состояние предпочтительнее, то и меньшая степень единства предпочтительнее, чем большая”².

Здесь мы видим Аристотеля, различающего государство, семью и отдельного человека по степени единства. Но вот в той же “Политике” он уподобляет государство (общество) живому

¹ См.: Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970. С. 474.

² Аристотель. Политика, 1261а 15-25; 1261б 10-15. — Соч. в 4-х т.т. Т. 4. М., 1984. С. 404-405.

организму, рассматривает его по существу как органическое целое, а отдельного человека как часть этого целого:

“Что человек есть существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: ...один только человек из всех живых существ одарен речью... Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук, сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим “каменная рука”; ведь и рука, отделенная от тела, будет именно такой каменной рукой... Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому”¹.

Здесь уже другой Аристотель, несколько прямолинейный в своем уподоблении государства-общества живому организму и в оценке соотношения государства и отдельного человека как соотношения целого и части. Гегель комментирует: “Аристотель не делает отдельного человека и его права основным принципом, а признает государство чем-то по своей сущности высшим, чем отдельный человек и семья, потому что оно и составляет их субстанциальность”. Далее он справедливо замечает: “Это прямо противоположно современному принципу, в котором особенный произвол единичного человека делается исходным пунктом, как нечто единичное, так что все подачей своего голоса определяют, что должно быть законом, и лишь благодаря этому возникает некий общественный союз. Для Аристотеля, как и Платона, государство есть *pruis*, субстанциальное, главное, ибо его цель является высшей целью в практической области”².

Поучителен пример с К. Марксом. Как неофит социологической мысли и одновременно как приверженец коммунистических идей, он истолковывал соотношение человека и *общества* большей частью как соотношение части и целого/органического целого, т. е. рассматривал общество в духе холизма и организма, а отдельного человека как ничтожную частичку общественного целого, как представителя той или иной социальной общности³.

¹ Там же. С. 378-379 (“Политика”, 1253а 6-28).

² Гегель. Лекции по истории философии. Книга вторая. С.-Петербург, 1994. С. 282-293.

³ Конечно, не всё так однозначно в учении Маркса, как это представляется некоторым его либеральным оппонентам-противникам.

С другой стороны, философы и ученые не раз высказывались в том духе, что сообщество особей, индивидов нельзя представлять как одну особь, как одного индивида, т. е. как организм. Н.М. Михайловский, например, писал:

“В организме все-таки страдает и наслаждается целое, а не части; в обществе все-таки страдают и наслаждаются части а не целое” (с. 71). “Общество есть не организм, а совокупность неделимых организмов; оно состоит не из органов, специально предназначенных для того или другого направления, а из неделимых, имеющих все органы и потому исполняющих всю сумму направлений” (с. 70)¹.

Михайловскому вторит В.В. Вересаев: “Мы прекрасно понимаем, что коллектив сам по себе есть не что иное как отвлечение. У него нет собственного сознания, собственного чувствища. Радоваться, наслаждаться, страдать он способен только в сознании членов коллектива”².

Л. фон Берталанфи указывал на различие между организмом и сообществом:

“Жизненные сообщества суть системы взаимодействующих компонентов, которым присущи системные свойства, взаимные зависимости, саморегуляция, приспособление в случае их нарушения, стремление к равновесию. Само собой разумеется, что степень их интегрированности очень незначительна в сравнении с отдельным организмом. Они являются не централизованными системами, а системами с “рыхлой” связью между компонентами. Их развитие определяется внешними по отношению к организму условиями, но зависимыми от самих организмов. Поэтому о жизненных сообществах организмов с полным основанием можно говорить как о системах, но нет никакого основания называть их, как это часто бывает, организмами более высоких степеней”³.

Соглашаясь с Берталанфи в его оценке различия между организмом и сообществом, мы не можем, однако, согласиться с ним в том, что он рассматривает сообщество как систему. Во-первых, сообщество не является системой, как организм не является неорганическим телом. И, во-вторых, оно (сообщество) не является системой, как хаотический “порядок” групповой материи не является системным порядком тела. Возьмем для примера человечество, человеческое общество. Это — хорошо знакомое нам сообщество. Разве оно является системой? Человечество — такое сообщество, в котором отдельные человеческие сообщества (страны, нации, народности, племена, коллективы) в лучшем случае взаимодействуют друг с другом, но

См. выше: “Противоречия во взглядах К. Маркса на человека и общество”.

¹ Михайловский Н.К. Что такое прогресс? — Соч. Т. 1 (издание редакции журнала “Русское богатство”).

² Вересаев В.В. Записки врача. — Собр. соч. в 5 т. т. Т. 1, М., 1961. С. 250.

³ L. von Bertalanffy. Das biologische Weltbild, B. I. Bern, 1949, S. 57.

никак не составляют системы. С одной стороны, мы видим такие мощные объединения людей как США, Россия, Китай, а, с другой, совершенно оторванные от остального мира племена, группы индейцев, африканцев, австралийскихaborигенов. Взаимодействие народов, стран-государств — это еще не система, не единство. Организация объединенных наций — весьма слабая форма связи людей (и даже не людей, а некоторых их сообществ, именуемых странами-государствами). Мы знаем, что наряду с гармоническими, неантагонистическими взаимодействиями существуют антагонистические. Взаимодействие людей на Земле — это весьма сложный конгломерат гармонических и антагонистических взаимодействий. Наличие в этом конгломерате антагонистических взаимодействий (постоянно случающиеся горячие и холодные войны, напряженности, локальные и глобальные катастрофы, то затухающий, то разгорающийся конфликт разных цивилизаций-культур ^{<прежде всего европейско-христианской и мусульманской>}¹, противоречия между Западом и Востоком, богатым Севером и бедным Югом и т. д. и т. п.) не позволяет сообществу людей превратиться в целое-систему. Человечество в принципе не может стать единым целым, системой. Как только разрешаются одни противоречия-конфликты внутри него, тут же появляются другие. Предстоящий выход человечества в космос, т. е. заселение им необъятного внеземного космического пространства, еще более разъединит людей. Грядущая космическая цивилизация придет на смену земному человечеству, сделает сообщество людей еще менее похожим на целое-систему.

Многопартийная система — одно из величайших достижений человеческой цивилизации

Этот материал был написан в 1988 г., незадолго до первых альтернативных выборов в стране. С ним я выступал дважды: в политическом клубе “Факел”(недалеко от станции метро “Профсоюзная”) 1 ноября этого года и на первом заседании дискуссионного клуба в Институте философии АН СССР

¹ Смешно слушать разговоры об американизации человечества, человеческой культуры. Такое в принципе невозможно. Человеческий мир полицентричен или, как еще говорят, многополярен. Он является собой архипелаг культур-цивилизаций. Как только какая-то культуро-цивилизация пытается занять монопольное положение в человеческом сообществе, тут же возникает или усиливается реакция неприятия-отторжения со стороны других культур-цивилизаций. Яркий пример — рост мусульманского фундаментализма в современном обществе как ответ на экспансию американско-европейской культуры.

(ноябрь 1988 г.).

Самое интересное, ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин нигде не выступали прямо против многопартийной системы и нигде не говорили однозначно в пользу однопартийной. Напротив, у них мы находим свидетельства в пользу многопартийной системы. Маркс, например, писал: "... без партий нет развития, без размежевания нет прогресса"¹. Или Ленин: "Она [Советская власть] дает возможность трудящимся, если они не довольны своей партией, переизбрать своих делегатов, передать власть другой партии и переменить правительство без малейшей революции"². В незавершенных "Заметках публициста" (март 1922 г.) Ленин ставил вопрос о легализации меньшевиков, эсеров и др. Так что однопартийная система во всеохватывающем ее объеме сложилась уже после Ленина, при Сталине.

Я считаю, что главный порок нашей системы — это одновариантность почти во всем. Одновариантность душит нас, делает наше общество похожим на твердое кристаллическое тело с жесткой структурой, жесткой детерминацией поведения людей. Одновариантное мышление настолько въелось в наше сознание, что мы просто не замечаем его. Мы, например, привыкли обсуждать единственные проекты решений, постановлений, законов по различным вопросам хозяйственной и политической жизни. Мы считаем это вполне нормальным. А ведь это на самом деле ненормально. Подлинное обсуждение какого-либо вопроса может состояться лишь при наличии различных, альтернативных вариантов. Далее, мы не задумываемся над тем, что развертывающаяся в нашей стране перестройка по сути должна быть многовариантной, т. е. должны быть разные ее варианты, проекты, пути и, соответственно, разные должны быть архитекторы, лидеры перестройки. А между тем нам сверху (вполне в духе командно-административной системы) задается лишь один вариант перестройки и разрешается говорить лишь о том, быстрее или медленнее идет или должна идти перестройка. Это лишь количественная градация внутри одного варианта.

Теперь о главной идее. Я считаю, что одновариантность почти во всем и вся задается существующей в нашей стране **однопартийной** системой. Эта система конституционно оформлена — в тексте шестой статьи Конституции СССР ("Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является КПСС"). Пока мы не изменим эту статью и не перейдем к многопартийной системе, до тех пор мы обречены на несвободу, на безвариантность, на

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 113

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 37. С. 307.

застой, на удушливое состояние общественной атмосферы.

В условиях однопартийной системы невозможны подлинные или, как сейчас говорят, альтернативные выборы в органы власти, невозможно действительное, неформальное разделение властей, невозможна полноценная гласность, невозможно в принципе правовое государство. Все ужасы сталинизма порождены в значительной степени однопартийной системой. Да и ужасы ленинского периода нашей истории во многом обусловлены тем, что слабый росток многопартийности был растоптан, Россия насилиственно переводилась в режим однопартийности. Это поистине роковая ошибка Ленина, что он допустил исчезновение других партий с политической арены, не попытался как-то наладить с ними диалог.

Однопартийная система противоестественна, так как она навязывает обществу, являющемуся живым статистическим ансамблем людей, структуру твердого тела. И, напротив, многопартийная система адекватна многообразной палитре человеческих типов, характеров, интересов. Я с полной ответственностью заявляю, что многопартийная система — это одно из величайших достижений человеческой цивилизации. В современных условиях она является синонимом демократии. Если нет многопартийной системы, то нет и демократии.

Многопартийная система *самоцenna*; она является *саморегулирующимся* механизмом управления обществом или, по-другому, формой *самоорганизации* народа. Она — естественная защита как от анархии, так и от тоталитаризма. В первом случае многопартийная система способна находить компромиссы между многообразными человеческими интересами, способна смягчать, так сказать, буферить столкновение интересов, т. е. не допускать превращения этого столкновения в опасные для жизни общества конфликты (войны, погромы, кровавые стычки разных групп и т. д.). Как защита от тоталитаризма многопартийная система ограничивает до нужных размеров власть административной системы, не дает ей возможности превратиться во всевластную организацию. Существование в обществе различных независимых партий позволяет обеспечить независимость средств массовой информации, независимость судебных органов, учреждений культуры и т. д. — от всеохватывающего влияния государственного аппарата.

Многопартийная система не позволяет срачиваться партийным и государственным аппаратчикам. Ведь не секрет, что в условиях однопартийной системы мы видим сраченный партийно-государственный аппарат, который буквально душит всё живое. И с какой бы хорошей, благородной программой партия ни выступала и какие бы хорошие люди ни руководили ею, в условиях однопартийной системы она обречена на

вырождение, деградацию, маразм. Каждый новый лидер партии в таких условиях, безусловно, вносит свежую струю в ее деятельность, несколько оживляет партию¹, но полностью спасти партию от деградации и маразма он не в состоянии, поскольку однопартийная система — это система без независимой критики, без независимого контроля, это управление без обратной связи.

Выше я сказал, что в условиях однопартийной системы невозможны подлинные выборы в органы власти. В самом деле, если проанализировать ход подобных выборов, то нетрудно убедиться в том, что они могут оказаться гибельными для партии. Возьмем этап выдвижения кандидатов в депутаты. Либо мы должны заранее формализовать это выдвижение: например, выдвигать кандидатов по разнарядке: в одном месте только коммунистов, в другом — одних только беспартийных. Либо, если не будет разнарядки, на одно место депутата могут претендовать член партии и беспартийный. А это уже для члена партии риск не быть избранным. В условиях такого риска может сложиться ситуация, когда народ, недовольный в момент выборов политикой КПСС, забаллотирует всех кандидатов-коммунистов и сделает Советы беспартийными органами власти. Дальнейшее непредсказуемо².

Сейчас Законом о выборах народных депутатов СССР признается право кандидатов в депутаты иметь свою предвыборную программу-платформу. Это хорошо. Но если мы сказали А, то должны сказать и Б. Кандидаты должны иметь право сорганизовываться, объединяться по программам-платформам. Это необходимо по многим причинам (прежде всего хотя бы потому, что программы-платформы естественно унифицируются, иначе они неосуществимы). А что такое объединение кандидатов по программам как не процесс возникновения политической организации, т. е. партии? Логика выборов необходимо подводит нас к идеи политического плюрализма, т. е. многопартийности.

Кстати, о плюрализме. Если мы признаем плюрализм мнений, разномыслие, то должны признать и плюрализм организаций, в том числе многопартийность. Одна-единственная организация в принципе не может отражать, выражать интересы *всех* социальных групп, слоев общества.

¹ Вспомним, так было с Хрущевым после смерти Сталина, с Брежневым после смещения Хрущева, с Горбачевым после смерти Черненко.

² Кстати, вполне логично, что в условиях однопартийной системы в нашей стране проводились безальтернативные выборы: на одно место по разнарядке партийных органов выдвигался лишь один кандидат. Как только КПСС решилась на альтернативные выборы — через короткое время (буквально в два с небольшим года: май 1989 г. — август 1991 г.) она лишилась власти. — Примечание 1999 г.

В противовес идее сильной, твердой власти я выдвигаю идею *мягкой власти*. Сильная власть — это безгранична, необъятна власть, это неизбежно диктатура отдельного лица или группы лиц. Мягкая власть — это ограниченная власть, соразмерная человеку. Она возможна лишь при условии разделения властей. Разные власти (законодательная, исполнительная, судебная) ограничивают друг друга и тем самым препятствуют сосредоточению власти в одних руках. При разделении властей верховным “руководителем” общества является закон, право, т. е. анонимная, безличная сила, которая исключает или существенно ограничивает произвол отдельных лиц.

Так вот, разделение властей в условиях однопартийной системы может быть только провозглашено, декларируемо, но никак не осуществлено на практике. Партия, поскольку она является единственной политической силой общества, имеет все возможности держать в своих руках все ветви власти. И поскольку ветви власти зависимы от одной партии, они связаны друг с другом через посредство этой партии, а, следовательно, не разделены. Независимость различных ветвей власти друг от друга является условием их разделения. Никто не должен стоять *над* ними. Многопартийная система как раз создает условия для эффективного разделения властей и тем самым их ограничения. При существовании различных независимых партий невозможно, чтобы какая-то одна партия устанавливала безусловный контроль над всеми органами власти.

Здесь я должен сказать, что необходимым условием многопартийности является независимость различных партий друг от друга. Если это условие не выполняется, то мы имеем так называемую псевдомногопартийную систему. В современной политической жизни можно найти немало примеров такой псевдомногопартийности (в ГДР, Польше и т. д.). В ГДР, например, действует пять партий. Налицо как будто многопартийная система. Однако, четыре партии из пяти признают руководящую роль одной — Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Это на практике означает, что четыре партии не конкурируют с СЕПГ, т. е. не борются на выборах за голоса избирателей и заранее отказываются от власти.

Псевдомногопартийная система — это однопартийная система, рядящаяся в тогу многопартийной. Она, конечно, мягче, так сказать, либеральней однопартийной системы, но суть ее та же: она блокирует право народа на политический выбор.

Подлинно многопартийная система — это система равноправных независимых политических партий, которые договорились о правилах сосуществования и политической борьбы. Она не признает никакого старшинства одних партий над другими, никакой руководящей роли одной партии.

Мы все за демократию, но далеко не все из нас считают, что

нам нужна многопартийная система. Между тем в современном обществе слова “демократия” и “многопартийность” являются синонимами. Любая однопартийная система антидемократична по своей сути.

В обществе, как и в суде, должна быть создана ситуация позиционного конфликта, т.е. кроме правящей партии должна или должны быть оппозиционные партии, которые спорят с ней, критикуют ее, а на выборах в органы власти борются за власть.

Демократию нельзя понимать как власть большинства. Это в подлинном смысле власть народа. А народ — не только большинство, а и меньшинство. Он — сложное диалектическое единство большинства и меньшинства. Большинство может уменьшиться и стать меньшинством, а меньшинство — увеличиться и стать большинством. Да, побеждают на выборах благодаря большинству и в этом смысле демократия — власть большинства... но только на данный момент времени!

Наши руководители любят говорить, что наш народ однажды (а именно в 1917 году) сделал политический (исторический) выбор и они гордятся тем, что следуют этому выбору неуклонно вот уже 70 лет. На самом деле этим нужно не гордиться, а стыдиться. Народ должен не однажды делать выбор, а постоянно иметь возможность выбора. Для этого и нужна многопартийная система.

Многопартийная система сродни рынку в экономике. Если рынок — это сосуществование и взаимодействие независимых экономических субъектов (производственных предприятий, торговых и финансовых организаций, потребителей), то многопартийная система — это сосуществование и взаимодействие независимых политических субъектов (партий, отдельных политических деятелей, избирателей). И как рынок является формой экономической демократии, так многопартийная система является формой политической демократии.

К 80-летию А. И. Солженицына (дневниковые заметки)

Сегодня отмечается 80 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Его “Один день Ивана Денисовича” я прочитал еще в студенческие годы. Откровенно говоря, эта вещица не произвела на меня какого-то особого впечатления. Помню, я даже удивился шумихе вокруг нее. Довольно-таки серенькая... Сохранилось такое впечатление от нее: автор с упоением и подробностями рассказывает о почти животной страсти к выживанию маленького человечка, попавшего в тяжелые условия заключения. Все значение Солженицына как

смелого и дерзкого писателя-мыслителя я мог оценить, лишь ознакомившись с его “Архипелагом ГУЛАГом”. “Один день Ивана Денисовича” в 60-е годы мог иметь значение лишь для тех, кто во взрослом состоянии пережил эпоху сталинского ГУЛАГа. А для меня, молодого человека, этот рассказ Солженицына был лишь рассказом о лагерном быте и нравах, не более того. Хотя уже в то время меня заинтересовала трагедия сталинизма. Прежде всего меня поразило противоречие между умом, талантом, одаренностью известных деятелей науки-техники-культуры и тем, как с ними глупо-жестоко расправлялся режим. Мне было почти физически больно за этих людей. Я начал собирать факты о репрессиях этих и других известных и неизвестных людей. В 70-е годы составил небольшую картотеку фактов и жертв сталинского террора. В 80-е годы начал писать на тему о противоречиях коммунистической идеологии. Во второй половине 80-х коренным образом изменилось мое отношение к Ленину. Я понял, что сталинизм — лишь одно из проявлений коммунистического тоталитаризма.

Сейчас к Солженицыну у меня сложное отношение. С одной стороны, я признаю его вклад в литературу и в крушение коммунистического режима. С другой, он отталкивает. Прежде всего некоторым своим архаизмом, в частности своей истовой религиозностью. Это в конце-то XX столетия, в эпоху научно-технической революции! Я вынужден сделать вывод, что он не очень глубокий мыслитель. Далее, своим огульным охаиванием нынешней президентской власти, тем, что приписывает ей все беды нынешней российской действительности. Это тоже ограниченность писателя. Если бы он сопоставил положение в России с положением в других странах СНГ, то понял бы, что дело не в конкретной президентской власти, а в объективных трудностях переходного периода, перехода к демократическому обществу. Эта позиция отстраненности и критиканства отнюдь не красит писателя. Похоже, Солженицын относится (или приближается по характеру) к тому типу людей, которых называют протестантами, закоренелыми диссидентами, алармистами. Раньше они протестовали против коммунистического режима, теперь — против нынешнего переходного режима. Они видят только плохое в любой действительности.

Слишком болеть за других людей также вредно, как и относиться бесстрастно-равнодушно-цинично к их болям-несчастьям. Во всем нужна мера, в том числе и в этом сострадании. Неумеренное сострадание к одним людям обычно сопровождается неумеренной ненавистью-враждой к другим, живущим относительно благополучной жизнью. К чему приводит такое отношение к людям — мы знаем. Вспомним историю революционного движения в России, начиная с Радищева.

Именно неумеренное-преувеличенное сострадание к болям других людей привело вначале к гиперкритике государственного устройства России (см. эпиграф к “Путешествию...” А.Н. Радищева: “Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй”), затем к призывам “К топору”, затем к народовольческому и эсеровскому террору, и, наконец, к кровавой гражданской войне и тотальному большевистскому террору, длившемуся 70 с лишним лет.

Поппер и Гегель

Вполне согласен с Поппером (“Открытое общество и его враги”) в оценке социально-политических взглядов Гегеля, но категорически возражаю против оценки философии Гегеля в целом как никчемной. Гегель, безусловно, был провозвестником и даже духовным отцом тоталитаризма 20 века. И в философии природы он наговорил много глупостей. Но это не отменяет его заслуги в разработке проблемы философских категорий, категориальной логики и многих других проблем философии. Можно привести немало примеров, когда творческие люди, таланты и даже гении говорили и делали глупости, крупно ошибались и т. д. и т. п. Композитор Вагнер, написавший прекрасные оперы, по своим взглядам был шовинистом и антисемитом. Что же, теперь перечеркивать все положительное, что им было создано, не слушать его оперы, ненавидеть его музыку ?! Очень неубедительно и неудачно Поппер объясняет огромное влияние Гегеля на последующих философов и деятелей науки, искусства, политиков, выставляя его этаким казенным философом, который стал знаменитым благодаря тому, что его поддерживало прусское правительство. Аргумент о значении поддержки прусского правительства просто смешон. В разных странах разные монархи и правительства поддерживали многих деятелей. Но лишь некоторые из этих деятелей вошли в историю, прославились как таланты и гении. В большинстве случаев поддерживаемые государством деятели почти сразу после прекращения поддержки канули в лету, т. е. превращались в историческую пыль. Кто, например, помнит сейчас Фадея Булгарина, самого известного и преуспевающего писателя эпохи А.С. Пушкина?! Булгарин был более чем обласкан царским правительством. И что же? Он забыт и никакого влияния на последующих писателей не оказал. А Пушкин, который был в весьма сложных отношениях с царями и их министрами, почитается потомками как Солнце русской поэзии, как величайший русский гений. Если человек бесталанен или его талант ядовит, мелок, то — будь он хоть тысячу раз обласкан властью имущими — не видать ему уважения и почитания

потомков. Гений Гегеля как великого мыслителя-философа многократно подтвержден последующими поколениями мыслящих людей в разных странах мира. Очень жаль, что Поппер приводит чудовищное по своей злобности и нелепости высказывание А. Шопенгауэра и даже усиливает его, говоря: “Шопенгауэрский взгляд на статус Гегеля как платного агента прусского правительства подтверждается, например, одним высказыванием Ф. Швеглера, восторженного ученика Гегеля” (ч. II, стр. 43). Нет более нелепой оценки Гегеля, чем оценка его как “платного агента прусского правительства”. Это просто ругань, площадная ругань, свидетельствующая о каком-то помутнении рассудка того, кто так высказывается. В самом деле, как может платный агент прусского правительства почитаться-расцениваться подавляющим большинством философов в конце XX века, т. е. по прошествии почти двух веков как великий или хотя бы как выдающийся философ? Это совершенно невозможно! Вот это высказывание А. Шопенгауэра: “Гегель, назначенный властями сверху в качестве дипломированного Великого философа, был глупый, скучный, противный, безграмотный шарлатан, который достиг вершин наглости в наскребании и преподнесении безумнейшей мистифицирующей чепухи. Эта чепуха была шумно объявлена бессмертной мудростью корыстными последователями и с готовностью принята всеми дураками, которые, таким образом, соединились в столь совершенный хор восхищения, который вряд ли когда-либо звучал ранее.

Широчайшее поле духовного влияния, предоставленное Гегелю властью предержащими, позволило ему добиться успеха в деле интеллектуального разложения целого поколения” (Ч. II, стр. 42).

Мне удивительно, что Поппер предваряет свою критику социально-политических взглядов Гегеля откровенной, почти площадной бранью в его адрес и как человека, и как философа-мыслителя. Неужели он думает, что таким унижением Гегеля он помогает своей критике?! Отнюдь не красит Поппера попытка оглушить Гегеля. Одно из двух: либо Гегель — глупый и тогда не стоит с ним возиться, либо Гегель — настоящий, серьезный философ и тогда он достоин критики. Поппер одновременно третирует Гегеля и спорит с ним как с серьезным противником. Такое парадоксальное отношение к немецкому философу свидетельствует об излишней эмоциональности и поверхностности критикующего.

Лев Евдокимович БАЛАШОВ

**КРИТИКА МАРКСИЗМА И КОММУНИЗМА
(статьи и материалы разных лет)**